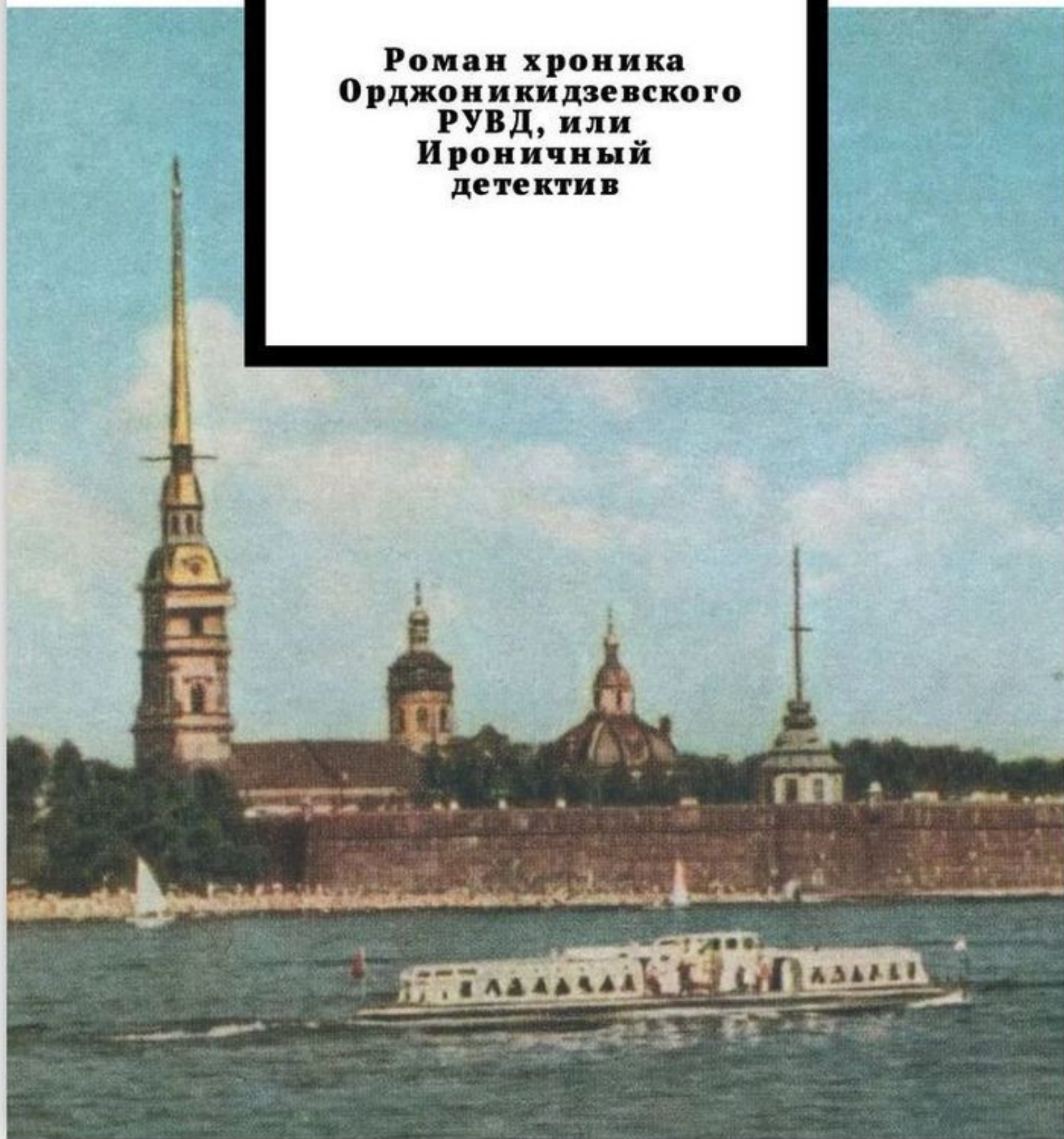


18+

Евгений Русов

**Роман хроника
Орджоникидзевского
РУВД, или
Ироничный
детектив**



Евгений Русов

**Роман хроника
Орджоникидзевского РУВД,
или Ироничный детектив**

«Издательские решения»

Русов Е.

Роман хроника Орджоникидзевого РУВД, или Ироничный детектив / Е. Русов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-931658-5

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. События, описанные в книге, происходили с моим отцом с 1996 по 1998 гг., во время его работы в уголовном розыске. Что-то из написанного художественный вымысел, что-то — чистая правда, но в целом книга достоверно отображает часть того времени, свидетелем которого стал мой отец. Все написанное — это полностью его виденье ситуации, от себя лишь добавлю, что сам не раз становился свидетелем беспощадного российского чиновничества. Об остальном судить вам.

ISBN 978-5-44-931658-5

© Русов Е.

© Издательские решения

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	8
«Вы слышите – грохочут сапоги!»	8
Глава вторая	12
Глава третья	16
Глава четвертая	21
Глава пятая	24
Глава шестая	32
Глава седьмая	36
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Роман хроника Орджоникидзевского РУВД, или Ироничный детектив

Евгений Русов

© Евгений Русов, 2018

ISBN 978-5-4493-1658-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Предисловие

«Трюмиловка», это слово из тюремно-лагерной терминологии, и как действие, изобретение ума человеческого, как и многое другое на земле. «Трюмить» – это значит исправлять! Кто сегодня скажет, великий ли друг и учитель детей, врачей, интеллигентов и эзков – Иосиф Сталин бросил эту фразу или это было самостоятельное творчество самого чекистского из чекистов всех времен и народов товарища Лаврентия Бери, но блатной мир было решено уничтожить раз и навсегда и начать конечно, с лагерей, где он был особенно организован в то время и вот почему. Как известно, блатной мир делился и делится на касты. Костяк элитарной касты блатных составляют «воры в законе», непререкаемые авторитеты преступного мира, по чьим «наказам» и живут многие российские колонии и тюрьмы. В литературе существует несколько версий, в той или иной степени объясняющих появление «вора-законника», самая распространенная примерно такая: После прихода к власти коммунистов, примерно в двадцатых годах, последние, конечно захотели, чтобы идею мировой революции поддерживало не только свободное общество, но и эки, которые, к великому сожалению коммунистов, в то время тоже были и их нужно было перевоспитывать. А надо сказать, что в то героическое время, в лагерях и тюрьмах существовали и боролись за власть внутри этих учреждений две группировки: «урки», воры еще старой закалки, то есть, дореволюционной и «жиганы» – уголовники новой формации и ярые противники большевистского режима. Уркам же, политический аспект в своей полной трудностей и тревог профессии был просто ни к чему, они ценили золотые руки и профессионализм. Поэтому, власть внутри тюрем и лагерей взяли урки, физически истребив большую часть жиганов. Как и при победе любой революции, было решено законодательно закрепить свою победу, иначе, свои привилегии в уголовном мире. Тебе, читатель, эта фраза ничего не напоминает? Вот так и появился воровской закон, а его последователей стали называть – ворами в законе. Закон, конечно был жесток, но это был закон. В то время, группировка воров в законе формировалась в основном из карманников, уголовной иерархии, как таковой, еще не было, хотя авторитетные воры имели вес. Таким образом, воры-законники стали хозяевами уголовного мира и надолго. А вот теперь, читатель, мы подходим к понятию «сучья война». Итак, осознав к тому времени организационную мощь блатного мира, Иосиф Виссарионович и Лаврентий Павлович поспешили принять решительные меры к его уничтожению. Как и все тогда, делалось это ударными темпами, под лозунгами социалистического соревнования и руками самих эзков. Тогда и получил широкое распространение один из методов перевоспитания воров в законе под названием, трюмиловка. Он заключался в физическом уничтожении уголовных авторитетов по всему «Архипелагу ГУЛАГ». И как в случае с урками и жиганами, теперь в бой вступили следующие группировки: «ссученные эки», то есть «суки» и воры в законе. Из сук создавались бригады типа, «За честный труд», которые повсеместно агитационно-пропагандистским методом, а проще, ножом и руками кропили адептов старого воровского мира на законных основаниях, то есть, при поддержке лагерной администрации. За несколько лет так называемой «сучьей войны», блатные потеряли тысячи авторитетных воров, но не сдались, в результате чего, в ГУЛАГе возникли красные, «сучьи» и «черные» – воровские зоны. Подобная сучья война продолжалась и при И. С. Хрущеве. Кстати, при нем был принят новый исправительно-трудовой кодекс, предельно ужесточивший режим содержания заключенных. Борьба повелась с переменным успехом, часть воров покаялась, часть еще боролась, но выбор у борющихся был невелик. многое изменилось в расстановке лагерных нравов на сегодняшний день, но, дорогой читатель, я не историк-исследователь этих нравов, хотя по роду профессии приходится кое-что знать. И сравнивая историю трюмиловок с повседневной. жизнью, просто пугаешься, как все похоже! Ну, например: На зонах есть еще одна, не малочисленная группа, это «мужики». А если проще, то просто работяги. Так вот, этой мно-

гочисленной группе во всех передрягах приходилось сложнее всего. Работяг трюмили и суки и блатные. И очень тяжело было остаться человеком в этой борьбе, выжить, вынести издевательства и главное, делать незаметно свое дело, свою работу. Так и в нашей жизни, в нашей работе, которая для многих из нас стала жизнью и теперь все это уже неразделимо. В своем предисловии я не претендую на точность раскрытия неких сфер уголовного мира, о чем я пишу, я вынес из общения с разными людьми, которые попадались мне на пути в процессе моей служебной деятельности, все я подсмотрел своим, как мне кажется, профессиональным взглядом опера и ну очень захотелось, чтобы на все это взглянули другие люди.

Автор.

Глава первая

«Вы слышите – грохочут сапоги!»

Был зимний Петербургский вечер. Новостройки весело светились огнями. А так приятно таким вечером прогуляться перед сном на свежем воздухе, подумать о бренности жизни, порадоваться за себя, за свою, в общем-то удачно сложившуюся жизнь, за свои шестьдесят лет, которые не принесли тебе еще старости и немощи и за неизвестное, покрытое туманом будущее. Человек, шедший по заснеженному бульвару, был навеселе, настроение у него было отличное и даже собака, бежавшая строго у левой ноги и имевшая, благодаря породе грозный вид, казалась приветливой и веселой. Человек носил довольно редкую фамилию Пятница Петр Никифорович и в недалеком еще прошлом довольно распространенную профессию инженер человеческих душ, а если проще замполит конвойных войск. И как пенсионер и полковник запаса, он имел сегодня полное право на эту зимнюю прогулку. Что еще нужно человеку в его пенсионном возрасте? Уютная квартира в новом доме, понимающая жена, взрослые, ставшие на ноги дети, да вот, собака для души. Вот только пенсия, по нынешним временам была не очень большой, но Петр Никифорович подрабатывал еще в одной частной фирме в привычной должности охранника и был в общем-то доволен сложившейся жизнью и хотелось кем-нибудь покомандовать, но, кроме собаки и жены, командовать было некем. Вот и сегодня, Петр Никифорович выиграл сражение у жены, заставив построить в прихожей обувь по погодной принадлежности и сроку службы, самочувствие у него заметно улучшилось и хотя Петр Никифорович был уже порядком «нагрузившись», свистнул собаку и пошел гулять. На прогулку одел недавно купленную белую дубленку и поэтому был согрет вдвойне, спиртным и теплым светлым мехом, что можно было назвать «двойным тулупом». На свежем воздухе Пятнице все больше и больше стали приходить мысли о какой-то неудовлетворенности собой: «Вот, учил сорок лет солдат и заключенных уму-разуму, а теперь, закрывая и открывая двери в фирме, а ведь могу и большее». И так хотелось крикнуть: «Отставить разговоры! Это нужно делать так и так, время пошло!» Но в фирме, где работал Петр Никифорович, люди, в основном были молодые, на слово и дело скорые, могли и послать, это тебе не армия. Работа была простая, открывая и закрывая двери, кланяйся хозяину, да держи язык за зубами. Когда в фирме возникали спорные, денежные вопросы, хозяин куда-то звонил, приезжали незнакомые Петру Никифоровичу молодые ребята с крепкими бицепсами и ничего не говорящим взглядом, проходили мимо Пятницы не здороваясь и не объясняя цели своего прихода и закрывались у хозяина. Через определенное время выходили, все так-же молча пересекали холл и уезжали на одной или двух автомашинах, преимущественно импортного производства. Как правило, через пару дней, после такого посещения, хозяин фирмы ходил уже в нормальном расположении духа и изредка бросал сотрудникам фирмы: Вот так нужно работать! Когда Петр Никифорович спросил как-то у своего сменщика, что мол за ребята, сменщик, бывший военнослужащий, майор запаса войск стратегического назначения Прудников, уважительно произнес: Кажется, из тамбовских будут, группировки такой. Что за группировка такая, Петр Никифорович не знал, но чтобы не потерять свой полковничий авторитет, переспрашивать не стал. Хотя, он как и все добропорядочные граждане, смотрел по вечерам телевизор, где по всем каналам вещали о мафии, о кремлевских, тамбовских, солнцевских группировках, мелькали кадры стремительного захвата их членов и даже лидеров крепкими ребятами в камуфляже. Петр Никифорович удовлетворенно думал тогда, глядя на эти кадры: «Да! Работа с преступностью у нас стране ведется». И как-то не связывал тех ребят, которых валил спецназ на асфальт на экране со знакомыми качками, которые приезжали, случись что,

на помощь к его хозяину. Пытался, правда, по привычке военного человека проанализировать, но затем отогнал, эти мысли «Наверное, это не те тамбовские, просто они из города Тамбова родом будут.» И еще одна мысль томила Пятницу. На последнем, еще армейском месте службы, случились у него большие неприятности, связанные с гуманитарной помощью., которую Петр Никифорович хранил за бежевым забором дивизии, где служил. Что разошлась эта гуманитарная помощь вроде не туда, кому предназначалась. Об этом история умалчивает, в армейских условиях следствие всегда трудно у нас шло, но злые языки поговаривали, что именно она стала причиной преждевременного дембеля полковника Пятницы. Так Петр Никифорович и оказался на пенсии и зажил пенсионной, не приносящей полного удовлетворения для его кипучего мозга жизнью. Вдруг Петра Никифоровича вывел из задумчивости сильный рывок собаки куда-то в сторону от дорожки и следом раздавшийся крик: А... аа... а, держи собаку, мать твою! Он же руку мне прокусил! Ротвейлер Грант, уставший от безмолвной прогулки с хозяином, в лучших традициях конвойной собаки, прыгнул вперед и висел уже на руке встречного мужчины. – Фу! – подал команду Петр Никифорович, – ко мне, Грант! Ко мне, я сказал! И с помощью кулаков и поводка отогнал пса от мужчины. Мужчина, задрав рукав куртки, испуганно совал Петру Никифоровичу прокушенную в кровь руку: – Посмотри, что твоя собака с рукой сделала, а может она еще бешеная? – Не бешеная, – заплетающимся языком произнес Пятница, – ходить нужно как в строю, четко и прямо, а ты прешь зигзагами там, где с собаками гуляют! Мужчина внимательно посмотрел в лицо Пятницы. – Да с собаками на пустыре гулять нужно, а не здесь, по бульвару и без намордника. Ротвейлер, он и трезвого слушает с трудом, а тут пьяный ходишь – закричал покусанный. Собака моя, где хочу, там и хожу, не нравится, обойди, а то вообще я ее сейчас с поводка спущу! – Петр Никифорович резко дернул поводок на себя. Покусанный гражданин оказался человеком настойчивым и место боя не покидал. – Гражданин! – Здесь, между прочим, дети гуляют, вмешалась в схватку откуда-то появившаяся старушка, относящаяся к категории старушек, которые всегда выигрывают у государственных служб – пожарных, милиции, скорой помощи, по скорости прибытия на места различных происшествий и любых ЧП. Петр Никифорович с шумом втянул в себя воздух и обдав участников конфликта перегаром, сказал: – Молчать всем! Разойтись! И ты, старуха, иди домой, тебя уже вечерний кефир ждет! То-то ты, милок, небось кефиру нахлебался! – сказала в ответ старушка и обратилась к покусанному: – Ты попридержи его, сынок! – она кивнула на Пятницу, – я быстренько к квартальному нашему сбегаю, вон у него окошко светится! – И бабуля засемила, говоря уже на ходу: – Квартальный у нас хоть и молодой, а с понятием, враз этого пьяницу пресечет. Ишь ты, а еще интеллигент, дубленку белую одел! «Смотри ты!» – подумал Пятница, – оказывается здесь квартальный рядом. Я год уже в этом доме живу и не знаю, хоть бы светящуюся вывеску «милиция» повесили, – по хозяйски рассудил Петр Никифорович, уже забыв, что является прямым виновником конфликта. На первом этаже дома хлопнула дверь и из подъезда вышли старушка-свидетельница и молодой парень в милицмейской шинели. Видя подходящее подкрепление в лице свидетелей и милиции, покусанный гражданин вытянул вперед раненную собакой руку с разорванным рукавом и заступил Пятнице дороги к отступлению. – Участковый инспектор Борских, представился лейтенант, – что случилось? Выслушав монолог покусанного, лейтенант обратился к Петру Никифоровичу :– Так, понятно! Приберите собаку на короткий поводок! Попрошу ваши документы, где проживаете, где прописаны? Почему нарушаете правила выгула собак? – Полковник запаса Пятница, – Петр Никифорович по привычке кинул ладонь к виску, – проживаю по Ленинскому проспекту 113, квартира 33, документов с собою не ношу! Очень хорошо, – произнес участковый, – я на этом участке уже год работаю, а с вами не знаком, видимо жалоб не поступало. А вот собак выгуливать нужно в отведенном для этого месте, за стадионом и обязательно в наморднике, а самому при этом, желательно находится в трезвом виде. Стоящая рядом, участковым старушка-свидетельница удовлетворенно кивала седой головой. – На пер-

вый раз, я вас, гражданин Пятница, предупреждаю, на следующий раз, составлю протокол. А теперь миритесь и расходитесь по домам! И тут, видимо, хмель довершил свою разрушительную работу некрепкой головы Петра Никифоровича. – Ты как стоишь передо мной, лейтенант! Я полковник, а ты мент тут мораль читаешь! Завтра же будешь уволен, не знаешь с кем разговариваешь! Превратился из виновника в нападающего Пятница. Горских работал на участке уже целый год после окончания средней школы милиции и по сегодняшним, милицейским меркам он был уже ветераном и значит, человеком опытным, поэтому подумал с тоской: «Да, такой сразу не успокоится и придется его доставлять в отдел милиции и составлять протокол за административное нарушение и в общем, тратить впустую время из-за пустякового случая. – Пройдемте все в отдел милиции! – скомандовал лейтенант, – там разберемся! Покусанный к старушка тронулись в нужном направлении, бабушка знала местный отдел милиции как своих внуков, где участвовала во многих следственно-оперативных мероприятиях, благодаря своей любознательности. – Гражданин Пятница! Вас что, не касается мое приглашение? – А это ты видел? – правая рука Петра Никифоровича свернулась в очень известную комбинацию и вытянулась в сторону участкового. Ротвейлер угрожающе зарычал, старушка-свидетельница ойкнула, а участковый нахмурился. – Помощь нужна, Алексей? – из притормозившего рядом уазика патрульно-постовой службы 164 отдела милиции выпрыгнул командир отделения Семенов, поправил автомат и подошел к участковому. – Садитесь в автомашину, гражданин Пятница! – весело скомандовал лейтенант и распахнул заднюю дверь уазика. Первой в автомашину юркнула старушка, за ней покусанный, все так-же дерма руку на весу. – Ты тоже завтра будешь уволен, – сказал Семенову Петр Никифорович залезая на заднее, для правонарушителей, сидение уазика и заталкивая туда собаку. Семенов хмыкнул: – Да меня, дед, каждую смену кто-нибудь увольняет или сажает. У меня ходок было-бы как у рецидивиста, если верить каждому пьянице, но вот, воюю пока. До отдела доехали минуты за три. Отдел находился на первом этаже здания старого общежития, давно не отремонтированного, судя по обваливающейся штукатурке. Дежурная часть встретила Петра Никифоровича шумным разноглосьем. Капитан, с уды по повязке, дежурный по отделу, по телефону отчитывался перед кем-то повторяя: – По операции «Проселок задержано 24 человека, участвовало 80 милиционеров, что, много? Это потому, что все участвовали, вместе с начальством, задержано за административные правонарушения 36 человек. – Тридцать семь и собака, – пошутил подошедший Борских. – Иди, работай, – устало отмахнулся дежурный. За соседнем столом милиционер с повязкой помощника дежурного кричал микрофон радио станции: – Пятьдесят четвертый, пятьдесят четвертый! Введен план «Переезд», выдвигайтесь на перекресток, запишите номера угнанных автомашин, их всего восемь сегодня. Нет, патрульной машины не будет, давайте пешком и быстрее, проверяющий какой-то по району шастает. Каски и бронежилеты подвезет на личной машине старшина. Какой обед еще? Смены не будет, пообедайте ни завтрак! Сержант опустил микрофон, положил трубку. Радиостанция пискнула, треснула и раздался усиленный динамиками голос: – Я «Тайфун», я «Тайфун», я базовая радиостанция! Слушайте приказ заместителя начальника Главка! Активизировать работу по плану «Переезд», всем руководителям выйти на обслуживаемую территорию к лично руководить нарядами. Я «Тайфун»! В углу, рядом со столом помощника дежурного еще один сержант из состава суточного наряда тщетно допытывался у сидячего рядом с ним гражданина с приметной степенью подпития назвать фамилию и место прописки, на что гражданин весело твердил: – А я не скажу, мент поганый, а я не скажу! Другой, такой-же гражданин пьянее первого, лежал на полу дежурной части у ног своего собутыльника. Руки и ноги его были связаны веревкой, он пытался ее развязать, сучил связанными ногами по грязному полу к с ненавистью хрипел: – Всех вас, менты, порешу! Кого вы, суки взяли! Я в авторитете на Юго-западе. Завтра-же все уволены будете! А ты, дежурный, будешь у меня фазенде дерьмо возить! Кого вы, суки взяли? Через матовое стекло комнаты для задержанных, на милицейском сленге-«аквариума», была видна фигура стоявшего,

по пояс обнаженного мужика, который, с методичностью метронома стучал головой в плексиглас, так-же ритмично повторяя: – Я требую прокурора, давайте сюда прокурора, менты! За что сижу? Я хочу знать, за что сижу? – Уже вызвали тебе прокурора, скоро подъедет, посиди еще, дурачёк! Замерзнешь ведь на улице, не май месяц! А сидишь ты за пристрастие к «красной шапочке», – так-же ритмично успевал отвечать помощник дежурного мужчине, между делом, успевая заполнять протокол по «пьянке» на решившего все-так»: назвать себя пьяного собутыльника авторитета с «Юго-запада». –Присаживайтесь! – бросил участковый Борских Петру Никифоровичу, покусанному гражданину и старушке-свидетельнице. И указал на деревянную скамью у стены, а сам расположился напротив, достал из папки бланки протоколов и начал заполнять. Петр Никифорович с удивлением смотрел на разыгрывавшиеся в дежурной части рядового отдела милиции события и качал укоризненно головой. Несмотря на конвойную закалку, такое он видел впервые. Милицию он представлял в лице умного следователя, один на один с преступником ведущего в тишине бежевой комнаты умственную дуэль. И побеждал, конечно следователь. «Это как же здесь так можно работать или просто находится?» -думал он. От пропитанного густым запахом перегара, пота и еще чего-то, непонятной консистенции у Пятницы мигом вспотела спина и разболелась голова. Даже всегда бодрый ротвейлер, забившись под скамейку, смотрел на происходящее тяжело и угрюмо и почему-то никак не реагировал на крики и удары, как положено-бы было дрессированной конвойной собаке. Только старушка-свидетельница обводила дежурку восторженным взглядом, видимо радуясь удаче и предвкушая свой рассказ об увиденной на завтра в кругу друзей. Вдруг дверь в дежурку распахнулась и в помещение быстро вошел плотный мужчина в полковничьей милицейской форме. Весь дежурный наряд встал и дежурный, кинув на голову откуда-то появившуюся фуражку отрапортовал: – Товарищ полковник! Дежурный по 164 отделу милиции капитан Лебедев. За время несения службы на территории отдела милиции совершено шесть преступлений, задержано трое преступников и тридцать семь человек за административные правонарушения. На территории отдела проводится три профилактических операции согласно указаниям главка. Полковник стоял мощно выпятив грудь, лицо его ничего не выражало и даже Петр Никифорович попытался подняться со скамейки зачарованный спокойствием и мощью полковника, но недостаток места не позволил ему встать прямо, а согнувшись стоять было неудобно и Пятница сел обратно. Фамилия у полковника тоже была довольно мрачная, Грабовенко, но полностью ему соответствовала. Начав службу в главке на различных незначительных должностях инспектирующего и организационного характера, он вскоре понял, что он, самая значительная фигура в главке. Поскольку, направляясь с проверкой в любой территориальный отдел он с простого инспектора превращался в педантичного проверяющего, способного «закопать» одной своей докладной запиской по начальству героические усилия любого милицейского коллектива, благо, дело это было несложное. Территориальный отдел милиции отвечал ведь за линии работы всех гражданских, военных и судебных органов вместе взятых в одном своем милицейском лице, начиная от уборки снега на улицах и крышах домов, до причины прорыва чеченцев под Ачхой-Мартаном и обдуривших президента, разведку и генералов. Руководство главка вскоре заметило обвинительный уклон инспекций, проводимых полковником, но так или иначе все последующие проверки проходили в том-же духе что и предшествующие.

Глава вторая

*Начальникам подразделений
милиции г. Санкт-Петербурга*

Телетайпограмма №1

Обращаю ваше внимание на неудовлетворительную работу личного состава по планам быстрого реагирования, вводимых главком при совершении происшествий и преступлений. Впредь, под личную ответственность начальников подразделений предлагаю:

1. Лично организовывать работу нарядов милиции при введении указанных планов в действие. Каждому руководителю отрабатывать вместе с нарядами не менее трех часов на территории, обслуживаемой отделом милиции.

2. С этой целью, закрепить за каждым сотрудником, оперуполномоченным уголовного розыска, участковым инспектором, инспектором по делам несовершеннолетних определенный перекресток, улицу, дом, за которые они будут нести персональную ответственность при чрезвычайных условиях.

*Начальник ГУВД г. Санкт-Петербурга
генерал майор Локтионов С. Г.*

Утром следующего дня, начальник 164 отдела милиции капитан Соловьевич Антон Рышардович, в хорошем настроении от спокойно проведенной в кругу семьи ночи, прибыл в отдел, еще не зная, что этот день скоро войдет в историю Петербургской милиции. Соловьевич подъехал к отделу на недавно приобретенной автомашине. И хотя автомашине исполнилось уже почти десять лет, для капитана это была первая крупная покупка и он тоже с удовлетворением думал как и сутки назад Пятница Петр Никифорович, что жизнь прекрасна: хорошая семья, любимая работа, квартира, не зная еще, что судьба в лице Пятницы уже занесла над головой капитана свой ржавый меч. Припарковав автомашину у входа в отдел, Соловьевич с неудовлетворением отметил облупившиеся стены отдела милиции, подумав при этом: «Эх, дали-бы немного денег на ремонт, я бы отделал все помещения под евростандарт!» Соловьевич тогда еще не догадывался, что и эта мечта его скоро осуществится, благодаря стараниям доброго волшебника. Надо было отдать должное начальнику милиции, его мысли по поводу ремонта не были пустыми. Антон Рышардович был из начальников хоть и молодых, но расчетлив и хозяйственен. Он всегда считал, что любое деревце, здание, ларек, находящиеся на территории, обслуживаемой его отделом милиции, являются его, капитана Соловьевича вотчиной вместе с людьми, населяющими эту вотчину. И что он, Соловьевич, всегда в ответе за радости и горе, происшествия и преступления, неуплату зарплат и пенсий, в общем за все, что творится на этой территории. Разумеется, эту ответственность начальник делил с личным составом отдела. И не только делил, но и практически осуществлял. Даже смог завоевать для нужд отдела два этажа старого, но еще крепкого здания общежития, безо всякой на то помощи депутатов и вышестоящих милицейских структур. Третий, и последний этаж здания, пришлось уступить из-за отсутствия у Соловьевича нужных в таком деле аргументов. Экс-депутату Орджоникидзевского района господину Путятину под его коммерческий магазин. Господин Путятин был избран в депутаты в известную избирательную компанию жильцами ближайшего микрорайона благодаря смелому лозунгу, который он провозгласил в своей предвыборной программе. Лозунг состоял всего из одного пункта, но победу на выборах Путятину принес. Вот этот лозунг: «Отстоим баню микрорайона для нужд проживающих!» Баню Путятин не отстоял, но депутатом стал. Вернее, сначала стал депутатом, а потом уже стало

не до бани. Уже на третий день депутатства, избранная профессия так понравилась Путятину, что он без стука вошел в кабинет к Соловьевичу, чего раньше никогда не делал и показав мандат, сурово произнес: – От имени жителей микрорайона я прошу убрать от отдела милиции все автомашины, в том числе и милицейские. В ночное время они не дают спокойно отдыхать жильцам, так как постоянно работают двигатели, хлопают двери, кого-то привозят, кого-то увозят. Я послал главе администрации свой депутатский запрос с требованием использовать сотрудников ваших в ночное время на службе без автотранспорта. И еще я попрошу вас – Путятин нагнулся к Соловьевичу – отдать один бокс милицейского гаража для стоянки и ремонта моей автомашины, так как два бокса для милиции, многовато будет, а я, как народный депутат, в любое время дня и ночи должен завести автомашину и выехать по запросам трудящихся. И он, ожидая ответа склонил голову к столу. Тогда Соловьевич просто выставил Путятину из кабинета, не найдя в своем лексиконе подходящих слов и являясь человеком выдержанным. Но депутат скоро смог доказать, кто в районе главней. Капитан Соловьевич получил неполное служебное соответствие, а если перевести на гражданский язык – взыскание, предшествующее увольнению из милиции, за плохую охрану правопорядка. Привычный для каждого ритуал отчета дежурного наряда по несению службы за сутки. Который сродни подъему флага на военном корабле или сдаче дежурства где-нибудь в шахтах баллистических ракет. Соловьевич просматривал служебные журналы и подписывал протоколы, слушая внимательно Лебедева, дежурный закончил доклад и произнес: – А ещё был проверяющий из главка, полковник Грабовенко, записал следующие замечания, вам прочитать или сами? – Я сам, – Соловьевич открыл нужную страницу и начал читать.

Начальнику Орджоникидзевского РУВД
полковнику милиции Можаеву Н. А.

Приказываю устранить недостатки по несению службы дежурным нарядом 164 отдела милиции, доложить мне в течении 10 суток вместе с копией приказа о наказании начальника отдела милиции Соловьевича А. Р.

1. Во время несения службы, дежурный по отделу капитан Лебедев находился без фуражки,
2. Участковый инспектор Борских находился в помещении дежурной части и занимался посторонними делами, не связанными с проводимой главком операцией» Чердак»,
3. Оперуполномоченный уголовного розыска Чернецовский на момент проведения операции безрезультатно болтал с пьяной гражданкой.
4. Из восьми разыскиваемых городом автомашин, 164 отделом не обнаружено ни одной!

*Начальник отдела ГУВД
г. Санкт-Петербурга по оказанию
практической помощи территориальным
подразделениям полковник милиции
Грабовенко П. Н.»*

Все остальные тридцать пунктов замечаний были столь-же глубоки по смыслу как и предыдущие. Соловьевич отпустил дежурный наряд, – Ну, как дежурилось? – спросил он у Дукулова – Да, в общем-то нормально, как всегда, только вот эти, достали своими приказами, – Дукулов поднял глаза в потолок, – Чернецовский Леша ехал от метро в отдел на троллейбусе, тормознул карманницу с чужим кошельком. Но тормознул уже на улице, за аптекой, а потерпевшая, еще ничего не подозревающая и не обнаружившая кражу, конечно, дальше поехала. Доставил карманницу в отдел, молодец, кошелек не дал сбросить. Мы задокументировали все быстренько, прикинули по маршруту троллейбуса, в каком районе может проживать потерпевшая, до кольца было всего-то пять остановок. Звоним соседям, в 174 отдел милиции, а бабуля-потерпевшая уже пишет у тамошнего опера, что потеряла кошелек по рас-

сеянности на территории 164 отдела милиции, а что сумка разрезана, так это может за гвоздь зацепилась. Мы смотались, забрали бабулю к нам, карманница в полной «сознанке», благодаря Чернецовскому, кошелек налицо, потерпевшая в здравом уме. Вызываем «следака». Тот приезжает страшно недовольный, что разбудили, переговорил только с потерпевшей и сразу давай писать справку, что и ущерб незначительный и у бомжихи нет характеристики с места жительства и места работы, короче, сел и уехал обратно досыпать, дело не стал возбуждать. Мне очень фраза одна понравилась следовательского опуса. Читай! – Дукулов протянул Соловьевичу смятый тетрадный листок. Стандартный следовательский набор слов, объясняющий его нежелание возбуждать уголовное дело и проводить следственные мероприятия в то время, когда все нормальные люди крепко спят или в крайнем случае, занимаются любовью, как любят говорить американцы, заканчивался так: «... считаю нецелесообразным возбуждать уголовное дело в отношении гражданки Тюремщиковой ввиду того, что потерпевшая Иванова, Являясь пенсионеркой с размером пенсии в триста рублей в месяц, не могла иметь при себе денег в размере тысяча восемьсот рублей, изъятых оперуполномоченным Чернецовским у Тюремщиковой. Прошу отработать гражданку Иванову на причастность к совершению грабежей на территории района». – Ну и чем-же тебе следователь не нравится, он же почти готовый опер, возьми на заметку. У него подход оперативника к делу, может Можаяев разрешит перевод. Интересно и как вы выкрутились дальше? Дукулов расплылся в улыбке: – Да я прикинул, что на «отказник» мы уже с Чернецовским заработали и нашим оружием- добротой и словом божьим, с учетом помилования бомжихи за карманную кражу, раскрутили ее за ночь потихонечку на одну интересную группу мордовских квартирников-гастролеров. «Выставляют» хаты уже месяца два, снимают «базу» на нашей территории. Мы уже проверили. Дукулов достал из кармана записную книжку размером в общую тетрадь, ткнул пальцем в страницу, – вот, шесть ноябрьских квартирных краж. Сейчас опера подойдут, я их вызвал пораньше и начнем эту тему работать. И если все в цвет, то карманницу помилуем полностью. Я бы с опером успел к утру многое наработать, но поступило высочайшее указание, – Дукулов опять задрал голову к потолку, – и я полночи с гаишниками автотранспорт шерстили, как будто для этого милиционера рядового не хватает, нужно обязательно начальника с опером послать, а я считаю, что каждый должен заниматься своим делом, сыщику сыщиково, гаишнику гаишниково, хотя на пару месяцев я бы поменялся. Даже с проверяющим переговорить не удалось, – Дукулов обиженно засопел. – И хорошо, что не переговорил, у меня, после твоих разговоров с проверяющими одни неприятности всегда. – Так уж и неприятности, – потянулся Дукулов всем своим мощным телом так, что затрещала кожаная куртка. – Да, а ты вспомни, как держал в камере семь дней наркомана Михайлова и что из этого вышло? По-моему, твои опера и подкармливали его немного и по-моему, подкармливали «колесами»! – Ну, во-первых, не держал! -обиделся Дукулов, – он сам из отдела не уходил. Его «кинули» тогда на квартиру, не на улице человеку-же жить! Вот все твердят, милиция такая, милиция сякая, милиция нехорошая! А куда пришел Михайлов после того, когда его «бритье» выбросили из квартиры. Пришел к нам, в уголовный розыск, заметь, не в районную администрацию, хотя и там их немало шляется. И заметь, пришел не заявление написать про обман, а с просьбой устроить на работу хотя-бы, это у наркоманов такая редкость как у нас высокая зарплата. И я его устроил. А что, у человека высшее фармацевтическое образование и оперская хватка. А у нас, очень слабенький процент выявленных преступлений, связанных с наркотиками. – Ну и что из этого получилось? – рассмеялся Соловьевич, – ты его и внедрить не успел еще никуда, а он уже на третий день проверяющему очередному попался, – Тебе неправильно доложили, Антон Рышардович! – опять обиделся Дукулов, – Михайлов просто вышел ночью пописать в туалет с большого кайфа. Вышел в одних трусах, а в коридоре проверяющий, сегодняшний Грабовенко. Тот, кто мол это в трусах и что здесь делает? Дежурный, шляпа, не сообразил сказать, что задержанного в туалет вывел. А Михайлов возьми и ляпни, что работает в уголовном розыске на должности агента. А Грабовенко не понял и переспра-

шивает, какого, мол агента. Михайлов как захохочет, он уже в приличном кайфе был и опять ляпает языком, что он агент по снабжению сильно действующими лекарственными и наркотическими средствами. И ты знаешь, что сделал Грабовенко? Он вернулся в дежурную часть и записал в книге проверяющих, что в 164 отделе милиции агенты используются не по назначению. Монолог Дукулова прервал стук в дверь и следом вошёл мужчина в камуфляжной форме, лет пятидесяти, по-военному подтянут. – Здравия желаю! Майор запаса Прудников, служба безопасности фирмы «Свет и тени». Я вам звонил. минут тридцать тому назад. «Во бля, развелось человек в камуфляже. Пока не представился, аж мороз по коже. Не знаешь, что и думать. Или заявитель пришел, или отдел милиции собором захвачен на предмет проверки, нет ли укрытых или просроченных заявлений» – подумал Дукулов. – Садитесь, – Соловьевич кивнул на стул, – а ты иди, Анатолий Валентинович, занимайся с ребятами, поспи, если сумеешь. – Да, конечно, тут у нас поспишь, мне ребенка некогда родить, все выходные одни операции, как назло. Приходишь, жена уже спит, уходишь- еще спит! Придумали бы хоть раз в неделю операцию «Конец воздержанию!». – А ты давай, в перерывах между отбоем и подъемам, – посоветовал Соловьевич. – А в перерывах, меня Грабовенки того..., так уж извините, – Дукулов вышел, хлопнув дверью. – Слушаю вас! – Соловьевич повернулся к Прудникову. – Дело у меня деликатное к вам, товарищ капитан. Вчера, ваши сотрудники задержали охранника нашей фирмы. Пятницу Петра Никифоровича. А хозяин нашей фирмы крутой человек, особенно не любит, когда в его дела вмешивается милиция. И если от вас бумага придет какая-либо по задержанию Петра Никифоровича, то хозяин его сразу-же на улицу выбросит, даже фамилию не спрашивая. И Петр Никифорович наш, человек очень беспокойный, без дела он сразу умрет, мне кажется. Опять-же, Пятница служил в конвойных войсках МВД, полковник запаса, ваш коллега, он мне говорил, что всю жизнь боролся с очень организованной преступностью, что его и на пенсию отправили из-за того, что его уже начинали искать какие-то организации. «Нашел мне коллегу» – подумал Соловьевич и приказал, чтобы ему вызвали Лебедева и принесли протоколы, им уже подписанные. – Да, вот есть они! – Соловьевич отложил в сторону три протокола: – здесь со стороны вашего Пятницы целый букет нарушений, его на «сутки» отправлять надо, чтобы в камере подумал и научился уважать других. А то хам какой-то, а не полковник запаса, судя по заявлению потерпевшего и рапорту участкового. – Я понимаю, товарищ капитан, но и вы поймите. Пятница всю жизнь приказывал кому-то, а тут молодой лейтенант его жить учит, вот он и завелся, он человек эмоций. Да что говорить, он когда в фирму к нам пришел, так раскритиковал светло-зеленый цвет стен нашего офиса, что мне стоило много сил отстоять его обратно. Хозяин наш так ему и сказал, что пускай этот умник переходит строить строительную фирму, раз так в цветах разбирается. – Ладно, – Соловьевич махнул рукой, – мы не звери, простить так простить, ограничимся предупреждением, хотя это и нарушение с моей стороны, вопросов о наказании Пятницы должен ведь решать единолично судья, а не я. Все, вопрос закрыт! – Спасибо, товарищ капитан! Может в баньку как-нибудь сходим, Петр Никифорович приглашает. – Вот, когда пригласит, тогда и сходим. В это время в кабинет вошел уже в гражданской одежде Лебедев. – Вызывали, Антон Рышардович? – Вызывал. Как вел себя вчера задержанный Пятница? – Как вел? Обычно вел себя, как все. Увольнял всех с работы, матерился. Ну как-же, в милиции все сволочи, а на гражданке только чудесные люди. Я хотел его до утра в отделе держать, но пожалел, отправил домой. Сегодня, в 10.00 должен быть в отделе. А что, уже «ходоки» приходили или звонил кто? – Министр внутренних дел звонил, – пошутил Соловьевич не предполагая, как близко легли снаряды. Все разошлись. Секретарь занесла и положила перед Соловьевичем еще ворох бумаг. «Все пишут, пишут!» – думал начальник милиции, не предполагая, что будут писать еще больше. В общем утро в отделе начиналось как всегда, и что готовит день грядущий не знал никто. Даже зам по уголовному розыску Дукулов, который в это время безрезультатно пытался узнать у дежурного по городу, как будет в переводе на мордовский: " Стоять! Уголовный розыск, руки за голову!

Глава третья

В Орджоникидзевоу РУВД города Санкт-Петербурга утро тоже начиналось как обычно. Только что закончилась утренняя оперативка у начальника РУВД Можая. Из его кабинета, переговариваясь, начали расходиться сотрудники Управления. Как всегда, энергично, почти легкой трусцой, пробежал начальник вневедомственной охраны Молотов. Леониду Владимировичу просто нельзя было быть не энергичным на этой должности. Молотов со своим отделом обложил все крупные и мелкие фирмы района услугами физической и юридической охраны, услугами сопровождения грузов, денег и всего, что можно было охранять или. Он с особым удовольствием посещал оперативки, так как со сводок о происшествиях за сутки всегда можно было выудить информацию о различных преступлениях, совершенных на пока неохраняемых Молотовым объектах. Молотов такие объекты брал на карандаш и через два часа после оперативки владелец фирмы, подвергнувшийся нападению уже потел в кабинете у Молотова, а тот на пальцах объяснял потерпевшему, что тот, если не согласится на охрану милицией, в следующий раз будет убит. Такие убедительные слова в большинстве случаев возымели действие. Таким образом Леонид Владимирович зарабатывал деньги и немаленькие, коль успевал вовремя выплачивать своим сотрудникам зарплату, премии, покупал сотрудникам квартиры и молил бога, чтобы не нашелся опять какой-нибудь умник из числа милицеских руководителей, который мог прибрать все операции с заработанными отделом деньгами в вышестоящие структуры или устроить уравниловку. Отдел охраны был отделан под евро-стандарт и напоминал собой офис ФБР где-нибудь в Нью-Йорке и даже отделовская кошка имела личную микроволновую печь для разогрева минтая. И сотрудники как могли платили Молотову за доброту и заботу, одни добросовестной службой, другие анонимными жалобами о якобы имеющихся злоупотреблениях Молотова. Но Молотов был не потопляем, потому, что был профессионалом в своем деле, а значит человеком уважаемым. Мудро поблескивая стеклами очков пробежал за Молотовым главный криминалист района – Плейшнер Эдуард Карлович, бесконечно внедряющий в работу РУВД попадающие под прицел его очков новинки. Сегодняшний его бег за Молотовым имел цель добыть у начальника охраны денег и привести в действие информационно-поисковую систему «Пиноплан». Степенно прошагала штабная тройка во главе с подполковником Зайцевым. К удивлению питерских оперативников, штабные подразделения в городе начали набирать власть и силу, раздуваясь в ширину, глубину и высоту и по численности сотрудников уже обогнали криминальную милицию города – главное подразделение по раскрытию преступлений. Но так, видимо, считали не все. Главным всегда был тот, кто рапортует, а рапортовал всегда штаб. Прошел майор Василий Васильевич с папкой под мышкой. Если бы на оперативке спросили у любого из руководителей о роде деятельности Василия Васильевича и его должности, никто бы точно не ответил. Должность майора была неизвестна, род занятий и возраст тоже. Всезнающий криминалист Плейшнер сказал однажды, закусывая после стопки спирта: – Мужики! Я не знаю, чем занимается Василий Васильевич, но что он у нас в районе главнее всех, это точно! Начальник уголовного розыска Русов шел последний, задержавшись в канцелярии Управления, чтобы поставить свою визу под целым рядом руководящих указаний Главка по активизации борьбы с преступностью. Русов поднимался по лестнице и раздумывал над словами начальника РУВД Можая, сказанные не далее как на утренней оперативке. А. Можая уже в который раз говорил, что Управление, а конкретно следователи скоро начнут работать с «колес», при этом Можая почему-то многозначительно поглядывал не на представителей следствия, которые собирались работать с «колес», а на Русова, уголовный розыск которого уже давно работал и с «колес» и лежа и сидя. А вопрос был чисто философским. Говоря с «колес», Можая имел ввиду некую вину Русова и оперов в том, что следствие имело в производстве очень мало дел, по которым подозреваемые

в совершении преступлений были установлены или разысканы. Хотя такой вопрос можно было ставить одинаково как перед опером так и перед следователем. Но так уж повелось издавна, как ни старался Русов, исторические корни этого явления ему отыскать так и не удалось, что единственной службой, которую били на всех совещаниях за такой далеко не призрачный термин как раскрываемость преступлений- была служба криминальной милиции, а точнее уголовный розыск. И это несмотря на имевшуюся в системе правоохранительных органов многочисленную армию следователей, дознавателей, прокурорских следователей и тому подобное. Но все-равно, на любых разборах полетов, касающихся провалов в борьбе с преступностью, отвечал за все уголовный розыск. Не выполнялись требования президента по раскрытию преступлений в сфере организованной преступности, а проще- с тамбовскими и другими группировками, уголовный розыск фигурировал здесь в качестве службы, недостаточно активно внедряющийся в банды и разваливающей банды изнутри. Хотя, если-бы тому-же президенту описали собирательный портрет опера России, в чем он ходит, где живет, сколько получает и с помощью каких средств он готов внедрится в любую банду, уверен, что все окружение Президента заплакало бы от обиды и в историю вошел бы совсем другой Указ. Если прокуратура обсуждала вопрос о захлестнувших Петербург убийствах, заказных и просто при бандитских разборках, главным ответчиком по данному вопросу был опять уголовный розыск, не способный, не активный и еще много не...! И так было по многим милицейским вопросам. Оперативники к такой «критике» уже давно привыкли и тащили на своих плечах все, что на них ложилась, жизнь в ежедневных бандитских разборках, убийствах, кражах, грабежах и других, сопутствующих любому бардаку правонарушениях. Оперативники именно тащили, потому, что работать нормально становилось все трудней из-за бессмысленных и непрофессиональных перестановок кадров в верхах и на всех последующих уровнях шаткой, милицейской лестницы. Главные командиры милиции, придя к власти на милицейское поприще из различных коммунальных, военных и черт-те знает каких структур, ставили всю работу с ног на голову, приводя с собой такую-же непрофессиональную команду временщиков, которые получали звания, льготы, через пару лет куда-то пропадали, материализуясь в других местах как минимум в службах безопасности различных банков, как максимум, крутились в околдумских или правительственных кругах. После их милицейской деятельности оставались сломанные судьбы, разогнанные профессиональные кадры, нищета и милицейское запустение. На короткое время, в переходный период, находился мент-профессионал, который по осколкам пытался собрать агонизирующую, но работающую систему, вернуть кадры, научить молодежь, расчистить завалы, как вдруг, с хохотом, чаепитиями и свистом наплывала новая волна временщиков за званиями, наградами, льготами, за уязвленным самолюбием. Эта волна по своему перекраивала опять все то, что удалось собрать умному и опять материализовалась на другом, более престижном поприще, оставляя после себя все то, о чем говорилось ранее, если еще и не хуже. И это был процесс постоянно меняющийся, в зависимости от капризов Хозяина на Олимпе. А рядовой опер, от которого зависели непосредственно все процессы превращения России в демократическую культурную Державу с контролируемой государством преступностью, так и работал то подминаемый, то опять встающий с колен после наката таких волн. А с экранов телевизоров и радиоприемников несло по всей разграбленной России: " Мы будем бороться с врагами- вешал Хозяин, плохо разбирающийся в политике внешней и внутренней. Мы будем еще активнее бороться с преступностью – вторил ему главный прокурор, пока в итоге сам не угодил за решетку. Мы усилим борьбу с преступностью – вешал милицейский Маршал и его ставленники, разбираясь в этом вопросе на уровне марсианина в высевании пшеницы. Мы усилим! Мы углубим! Кричали на местах все, кому, в общем до «фанаря» был правопорядок в стране. «Как хотелось крикнуть в ответ:" Ребята! Не надо ни с кем бороться, дайте спокойно работать, вы нас только внизу поддержите, а уж мы сами, мы ведь это умеем, мы же этому учились, мы же здесь не случайные люди! Не крикнуть было. Слово «бороться»,

звучало громом только наверху, а пока доходило до Русова и его коллег, то это был только шепот, но тоном приказа. И Русов понимал, что бороться или в переводе на нормальный язык – работать, должен он, Русов и его немногочисленные коллеги, выжившие в этом беспределе, а все остальные снова одели снятые для борьбы мундиры и занялись другими проблемами. – Русов! Ты сегодня дежуришь по району, не забудь, – оборвал мысли опера Зайцев, голова и стратег всего Управления, одним словом – штаб. – Помню, спасибо, что поставил по графику в пятницу, а не на выходные, давно не отдыхал уже нормально. – А как-же, – хохотнул Зайцев, – уголовный розыск мы уважаем, чтоб мы без вас делали, кто-же наши стратегические замыслы выполнял-бы, не будь вас под рукой. – Спасибо на добром слове, – ответил Русов и зашел в кабинет к замам. Заместитель начальника уголовного розыска Олег Уфимцев уже отпустил из кабинета оперативников, проведя с ними оперативку, на милицейском сленге «сходку». Теперь он с удовлетворением дымил первой утренней беломориной, попивая кофе и слушая двух незнакомых Русову мужчин. Увидев Русова, Уфимцев махнул рукой одному из говоривших, прерывая его. – Ну что на оперативке у Можая нового? Русов показал глазами на мужчин. – Ничего, говори. Это коллеги, теперь уже из полиции, – Уфимцев усмехнулся, – приехали опыт наш перенимать. Русов пожал плечами: – что-же нового, сам видел по сводке. Сутки прошли более-менее спокойно. Шеф недоволен, намекает на работу с «колес» коллег следователей. – Шефа намекать и подстегивать должность заставляет, – резюмировал Уфимцев, – а по моим прикидкам идем пока нормально. Говоря это, Олег имел ввиду конечно волнующую так всех раскрываемость. – Ладно, прорвемся, дальше «земли» не пошлют, меньше опера не дадут, – махнул рукой Уфимцев. – Познакомься с ребятами, – он кивнул на мужчин. Мужчины представились Ротару и Ивановым, оперативниками из Молдовы. Уфимцев продолжил, считая знакомство законченным: – Я займусь сегодня с ними, нужно помочь, интересная получается история. Да и ребята, не хотелось, чтобы зря дорогу проделывали. И потом, у нас некоторое затишье с трупами, – Уфимцев постучал костяшками пальцев по столу, – а история такая. Питерская фирма «Гарант», в лице директора Удовиченко, заключила с пятью винодельческими хозяйствами Молдовы договора на поставку в Санкт-Петербург крупных партий вина. Все переговоры велись из Питера посредством телефона и факса, номер у них имеется. Винодельческие хозяйства дают свое «добро» на поставку. В одно из хозяйств приезжает Удовиченко лично. Оформляются все бумаги, со всеми реквизитами, со штампами. В договоре делается пометочка, что сумму за отгруженное Молдовой вино, «Гарант» перечисляет после реализации вина в Санкт-Петербурге и таким образом, безо всякой предоплаты из всех пяти хозяйств вино перевозится в Питер. Общая сумма сделки очень впечатляющая. Управляющим молдавских хозяйств хотелось иметь пускай не совсем твердую, но российскую валюту, то они в течении трех месяцев ждут обещанные «Гарантом» деньги, но напрасно. Управляющие обращаются в полицию, те сначала естественно «прессуют» управляющих хозяйствами, логично подозревая последних в соучастии, но ничего от них не добившись, возбуждают уголовные дела и вот, – Уфимцев кивнул на Ротару и Иванова, – присылают к нам группу, чтобы разобраться с этой проблемой на месте. Ребята приезжают, не заходя к нам пробивают номер телефона, он же номер факса, с которых «Гарант» вел переговоры. Так вот, указанный абонент расположен в платном туалете на проспекте Забастовок. Тогда ребята начинают искать, где же зарегистрирован наш «Гарант»? Если он вообще где-нибудь зарегистрирован, сейчас любые бланки с любыми реквизитами купить можно или заказать. Опера помаялись, деньги командировочные кончаются, а ясности в этом деле нет. Вот они и пришли к нам за помощью. Опер, он и в Молдове опер, как ты его не обзывай! – Да! – Русов посмотрел на коллег, – ну, а документы прикрытия есть какие-либо на предмет оказания помощи дружественному государству? Молдоване смущенно переглянулись. – Есть, – засмеялся Уфимцев, протягивая Русову лист, бумаги. Текст гласил: «Начальнику полиции города Санкт-Петербурга. Россия. Прошу оказать помощь оперативной группе республики Молдова в розыске похищенного вина. В случае

положительного результата и возвращения хотя-бы части похищенного или денег за продукцию, обязуюсь ежегодно ко Дню милиции высылать в адрес милиционеров, нашедших вино или преступников два декалитра вина или других напитков по желанию и вкусу». Управляющий винодельческим комплексом Кондратенко Остап Макарович. Внизу стояла размашистая подпись и число. – Круто! – усмехнулся Русов, – желающих поработать будет в избытке. – Ну нет, – Уфимиев посмотрел на Русова, – сам буду заниматься, поищем любителей вина, ну, а ребята, – он кивнул на молдован, – пускай едут домой. Больше они тут ничего без денег не наработают. Только вот что! Нарисуйте нам хотя-бы формально, отдельное поручение для удовлетворения любопытства проверяющих. Не буду-же я показывать прокуратуре гарантийное письмо господина Кондратенко. Отдельное поручение было написано тут-же и передано Уфимиеву. Тот собрал все бумаги, касающиеся «Гаранта » и убрал в стол, Русов поднялся: – Ты давай, командуй здесь, а я в прокуратуру городскую, на совещание. Повестка: ” Усиление борьбы с заказными убийствами». Бред какой-то, одни совещания через день, и все начинаются со слова- усиление! Больше и запоминать ничего не надо, Да дай нам нормальную программу, достойную зарплату, профессионалов у руля и не надо ничего углублять и усиливать, займемся систематической работой. – Все тебе дай! – Уфимцев потянулся за беломором, – ты же видишь, что Хозяин на совещании в правительстве делает удивленное лицо на слова своей команды, что пенсионеры уже полгода пенсии не получают и спрашивает: ” Как не получают пенсии!? Почему не знаю? Да не может этого быть! Кто у нас тут за пенсии отвечает? Как никто не отвечает! Пять лет работаем и никто не отвечает! А пенсионеры-то хоть живы еще? Монолог Уфимцева с президентской интонацией Русов слушал уже закрывая дверь. Координационное совещание в прокуратуре города проходило как всегда, плодотворно. Сначала выступил прокурор в генеральском мундире, весь в благородной седине. Он обрисовал общую, кошмарную картину нераскрытых убийств по городу. Затем он-же, уже как председательствующий, вызывал на трибуну районных прокуроров и прокурорских следователей, у кого дела были прямо таки неважными, спрашивал у них строго. Одни брали все на себя, другие ругали отвратительную работу «убойных» отделений уголовного розыска своих или чужих районов. «Что. мол я поде-лаю? Уголовный розыск не шевелится, никак не найдет, кто-же убил человека? А так я всегда готов допросить, если приведут. Но не ведут-же!» Позже на трибуну стали подниматься и держать ответ уже милицейские чины, в основном начальники. В открытую они прокурорских не ругали, ссорится никак нельзя было. Вдруг завтра проверка прокурорская в РУВД нагрянет, вспомнят тогда тебе ту трибуну. Но на липах читалось: ” А мы-то здесь причем? Убийства ведь заказные. Пускай РУОП и занимается. Им и карты в руки. У них и картотеки и бандитов они всех в лицо знают. Что, киллера трудно отловить?» Русов откровенно скучал. Он не любил пустых совещаний, будь то прокурорских, будь то милицейских. Вся беда в том, что они ров-ным счетом ничего не координировали и ничего не решали в том беспределе, который тво-рился как во всей стране так и в Санкт-Петербурге. Тем более, что за свой район Русов был спо-коен. Относительно, конечно. «Убойное» отделение, а официально- отделение по раскрытию умышленных убийств Орджоникидзевского РУВД, было одно из лучших отделений в городе и как любил поговаривать Уфимцев- лучшим может даже и в России. И дело здесь не в циф-рах даже раскрытых или нераскрытых убийств, хотя для начальства это был основной показа-тель. В это отделение Русову удалось собрать наиболее опытных сыщиков, а костяк отделения составляли фанаты этого дела, которых, как думал Русов, во всем Питере десятка четыре оста-лось. Сышики-нефанаты или ушли, пользуясь случаем зарабатывать больше чем платили оперу или тихо сидели, дорабатывая до пенсии на различных должностях проверяющего и контроли-рующего характера. Другая часть, еще не фанатов, но думающих и смекалистых ребят с роман-тической жилкой в душе, но с минимумом оперского опыта, тихо притухала под ударами мили-цейских чиновников разного ранга, которые «трюмили» опера за каждую мелочевку, начиная от утерянного при задержании преступников табельного магазина с патронами, заканчивая

крутым наказанием опера за заурядную пьянку в кабинете при снятии стресса. Среди сотрудников Петербургской милиции витала какая-то тихая истерия, нагнетаемая постоянно начальством. Никто не хотел брать на себя решения неудобных проблем. В настоящее время установки руководства были следующими: Первая- несмотря на бандитский беспредел в городе, было принято решение до минимума сократить выдачу табельного оружия сотрудникам. Вторая – для милиции было объявлено чрезвычайное положение с целью вывода Петербурга из-за черты самых отсталых регионов России по раскрываемости преступлений. Хотя поднять эту самую раскрываемость силами только одного лишь милицейского ведомства выполнимо было только на бумаге. И все это делалось одновременно с продажей и утерей в стране сотен вагонов с вооружением, боевой техникой. Бесследно исчезли с лица земли законсервированные военные опорные пункты, способные бы вооружить из своих арсеналов целые армии. Российский Черноморский флот беспомощно умирал, брошенный своим государством, теряя корабли и боевую технику, не выдержав борьбы в одиночку с самостийным государством. Бывшие коммунистические идеологи стали теперь клеймить позором «москалей». Многие офицеры, выращенные огромной державой и давшие ей присягу на верность успешно дали еще одну присягу и замелькали на экранах телевизоров в обнимку с натовскими генералами. Давая интервью, смешно коверкали непривычный язык своей новой родины. – А теперь ... – донеслось с трибуны и Русов вздрогнул и открыл глаза, – а теперь мне хотелось бы пожелать вам удачи в борьбе с преступностью, – произнес заключительное слово прокурор и проблема заказных убийств была решена до следующего координационного совещания!

Глава четвертая

*Начальникам подразделений
милиции г. Санкт-Петербурга*

Телетайпограмма №2

С целью воспитания подрастающего поколения и удержания его от противоправных действий предлагаю:

1. Закрепить за каждым офицером милиции районных Управлений по одному трудному подростку, одному ранее судимому и не вставшему на путь исправления и одному лицу БОМ-ЖиЗ, то есть-бомжу.

2. Закрепленным офицерам выйти в семьи указанного контингента, познакомиться с своими подшефными и провести с ними воспитательно-профилактическую работу по недопущению правонарушений и стремлению вести порядочный образ жизни.

3. Отчеты о проделанной работе представлять ежедекадно заместителю начальника ГУВД по воспитательной работе.

*Начальник ГУВД г. Санкт-Петербурга
генерал-майор Локтионов С. Г.*

Уфимцев стоял у шикарного подвала на проспекте Забастовок и с интересом рассматривал неоновую светящуюся вывеску, которая гласила: Товарищество с ограниченной ответственностью» Облегчение». Чуть ниже надпись поскромнее: " Платный туалет». Очереди перед туалетом почему-то не было..Уфимцев открыл. дверь и очутился в мраморном холле. Холл блестел чистотой и был похож скорее на операционную и если бы Уфимцев не знал наверняка цели своего прихода, то подумал, что ошибся бы. В углу холла стоял небольшой столик, за которым сидел коротко стриженный парень в известном прикиде и смотрел стоящий напротив телевизор. Ноги парня покоились на столе. Он повернул голову, посмотрел на Уфимцева, оценивая его как возможного клиента, но вдруг сбросил ноги со стола и празднично расплылся в улыбке. – Олег Геннадиевич! Какие люди!?! Все время мы у вас, а тут вы у нас. Какими судьбами? Или может вы как клиент зашли, по назначению нашего заведения, тогда вам скидка. – Я, дорогой, проверяю, как с трудоустройством у бывших моих клиентов, а ты ведь бывший мой клиент и еще не исключено, что и настоящий. Ты ведь знаешь, Кириллов, туалетами я не занимаюсь, даже платными, у нас на это санитарная милиция есть. Так что только ради тебя я здесь. Есть необходимость потолковать мне с тобой, у вас тут отдельный кабинет должен быть для особо уважаемых людей, пойдем! – Момент, Олег Геннадиевич, – засуетился Кириллов, – только закрою заведение. -А зачем закрывать? – усмехнулся Уфимцев, – пускай фирма часик поработает в благотворительном режиме, ничего ведь не случится, желающих не особо много, потом наверстаешь. Через минуту Уфимцев расположился уже в прекрасно оборудованной комнате за незаметной дверью в стене. Комнаты была оборудована даже кондиционером. На столе стоял факс «Панасоник». – Я так понимаю, Кириллов, что тебя снова понизили в должности. И сослали сюда смотрящим, раньше ты был, по-моему, в числе активных штыков. – Какие штыки, Гэннадьич? – обиделся Кириллов, – да на тренировке я травму позвоночника получил, вот и пришлось искать работу поспокойнее. – Травму позвоночника ты получил три месяца назад при разборках с «федоровскими», выпрыгнув с третьего этажа офиса на Марининской улице и они тебя до сих пор ищут. Ты читал, Кириллов в детстве такие стихи: «... ищут давно, но не могут найти, парня какого-то лет двадцати, среднего роста, плечистый и крепкий, ходит он в черной кожанке и кепке, цепь золотая на шее у него, больше

не знают о нем ничего!» – Неужели они в ментовку обратились и ориентировку на меня уже дали, Геннадьич? Вот козлы! – Хреновато у тебя, Кириллов с кругозором, да и с юмором тоже. Я же сказал, что это стихи, к тому-же – классика. А я вот знаю, Вася, этого парня! А стихи я немного перефразировал, Маршак мне простит. А написаны они были лет сорок тому назад. – Да?! – удивился Кириллов, – а я думал, что «братвы» при коммунистах не было. – Тогда, Василий, своя «братва» была, не вам чета. Уфимцев кивнул на факс: – Зачем тебе аппарат здесь такой, по записи заказы принимаешь, что ли? – Ну, ты, Геннадьич, все шутишь, – Кириллов наморщил лоб, – это я купил для личной надобности. – Нет, Василий, не купил ты его, – дожидаясь Уфимцев Кириллова, – а прыгал ты из офиса с коробкой, я так думаю, что этот факс и был в той коробке. – Олег Геннадиевич! Что ты от меня хочешь? – Я хочу ответа только на один мой вопрос. Ты же меня знаешь, Кириллов! Без предварительной подготовки я так просто редко прихожу. К нашей с тобой беседе я тоже подготовился. Я бы мог вызвать тебя в Управление, причем повесткой и узнать все, что меня интересует, но мне не хотелось тебя, мягко говоря, обижать, зная твоё отношение к повесткам и реакцию на такой вызов твоих компаньонов по этой фирме. Месяца так три-четыре тому назад, с этого факса кто-то вел переговоры с одним иностранным государством. Я знаю, что вести такие переговоры, не твой уровень и ты здесь не в доле, раз до сих пор прозябаешь в гальюне. Так вот, мне нужно знать, кто этот неизвестный Остап Бендер? И учти, в этом вопросе затронуты интересы иностранного государства со всеми вытекающими для тебя последствиями. – Так вы и фамилию знаете уже? – совсем скис Кириллов. – Не перебивай меня, Василий. Так вот, ты говоришь мне волшебное слово и я сразу ухожу, забывая про сожженный у «Федоровских» офис и про плечистого парня лет двадцати., которого ищут все. Кириллов задумался. Для него, Уфимцев был ментом, ментом, но не легавым или мусором. Василий помнил своё босоное детство, полное правонарушений. Уже тогда Уфимцев из 164 отдела милиции был на Юго-западе Петербурга в авторитете среди молодняка. Он никогда никого из Папанов не обманул, затрещин при доставлении в отдел не раздавал и своё слово держал крепко. Если говорил, что посадит, то всегда сажал или отправлял подумать в спецшколу, что равносильно было все той-же колонии. И слыл Уфимцев тогда на весь отдел большим специалистом по разгадыванию криминальных юношеских шалостей. Но Кириллов тогда, с присущей молодости самоуверенностью и максимализмом, несмотря на предупреждения папанов, сбил в свои четырнадцать лет таких-же как и сам молодцов и «бомбил» автомашины по всему Юго-Западу, пока не очутился в кабинете у Уфимцева. Тот не кричал на Кириллова, не топал ногами не выкручивал руки, даже не бил засунутым в валенок утюгом, что так усиленно распространяет пресса, рассказывая о буднях милиции. Они мирно побеседовали часов восемь, до одурения накутившись Уфимцевским беломором и опившись кофе и Кириллов, переигранный железной логикой опера ушел на два года в воспитательно-трудовую колонию с десятью доказанными эпизодами краж запчастей с автомашин. Ушел, не затаив на Уфимцева ни ненависти ни злости. Все было по понятию, кто кого! Победил Уфимцев. Отсидев, Кириллов набрался опыта, как он считал сам, стал круче. И попав опять на родной Юго-Запад и учитывая начало перестройки попытался подмять под себя местную сапожную мастерскую, введя в свой обиход и жаргон новомодное слово «крыша». Но опять очутился в кабинете Уфимцева и пошел второй ходкой за банальный грабеж после трех часов душевного разговора, все того-же кофе и беломора. Вернувшись с зоны уже через четыре года, Кириллов первым делом прописываясь к матери, навел справки о местонахождении Уфимцева. Полученная информация не огорчила Кириллова, но и не обрадовала. Из нее следовало, что Уфимцев теперь большой начальник в районном уголовном розыске, а раз начальник, значит, по твердому убеждению Василия должен много спать, хорошо кушать, сидеть в кабинете и руководить, а не бегать по платным туалетам собирая компромат. Но действительность в лице Уфимцева была здесь, да и информация у него была насчет Кириллова ой какая верная! Прикинув все «за» и «против», Кириллов понял, что третья его похода на зону

к «хозяину» ему уже не выдержать и скажет он настырному оперу правду, как – Знаешь, Олег Геннадиевич! Примерно месяца три назад заскакивают сюда двое парней. Поговорили, туда сюда и сделали они мне предложение сдать им вот этот кабинет в аренду на месяц. Я тогда на мели был, а они мне хорошо заплатили. Заплатили за месяц штуку баксов. Их условия были таковыми: кабинет этот в полное их распоряжение и я ничего не видел и не знаю. Мне они сказали, что факс им тоже нужен, для заключения сделок, поскольку они только что организовали и помещения еще не имеют. Я им в ответ поставил свое условие: никакого криминала, чтобы меня потом менты не дергали. Кто они я не знаю, не спрашивал. Знаю только, что одного фамилия Удовиченко, он по-моему был за главного. Покрутились они здесь меньше месяца, отдали ключи и сделали ручкой. Больше я их не видел, – Кириллов вздохнул и предчувствуя новый вопрос Уфимцева добавил: – Круг с другом при мне они ни о чем не разговаривали, да я и не спрашивал, у меня тогда тяжелое время было, я всех боялся и ходил весь дерганный. – Понимаю, – Уфимцев закурил беломорину и Кириллов поморщился, предчувствуя, что разговор еще не закончен, так оно и оказалось. – А скажи мне, Василий, ребята местные, питерские? Или на гастролях на гастролях? Ты же человек наблюдательный! – Тот, Удовиченко, говорил с акцентом, мягкий такой говор, а второй, мне кажется, наш, Питерский. В городе он здорово ориентируется. Да, чуть не забыл, – Кириллов покраснел, – краем уха слышал разговор Удовиченко по телефону. Он говорил с кем-то, что товар нужно завести в ангар на проспект Революционеров и давал адрес. Дом номер 115, это-ж на Юго-Западе, Геннадьич. – Да, Василий, в свое время мы с тобой хорошо территорию Юго-запада изучили. Хорошо, за информацию спасибо! Если у меня будут еще вопросы к тебе, я тебе позвоню сюда, в галюн. Кириллов промолчал, но по его лицу было видно, что туалет он готов продать тут-же, сразу после ухода Уфимцева и из общества с ограниченной ответственностью выйти немедленно!

Глава пятая

*Начальникам подразделения
милиции г. Санкт-Петербурга*

Телетайпограмма 3

В связи с ухудшением оперативной обстановки в городе предлагаю:

1. Провести с пятницы по понедельник оперативно-профилактическую операцию и «Переезд».
2. На проведение операции задействовать весь личный состав районных Управлений, в том числе и сотрудников, находящихся в очередных отпусках.
3. В связи с отсутствием материальных средств в ГУВД, оплату за работу в выходные заменить последующими отгулами, кому это возможно.
4. Контроль за проведение операции возложить на начальников подразделений всех уровней лично.
5. Отчеты о проделанной работе предоставить в понедельник до 11.00 в штаб ГУВД.

*Начальник ГУВД г. Санкт-Петербурга
генерал-майор Локтионов С. Г.*

С совещания Русов вернулся к вечеру, Уфимцева на месте не было, видимо зарабатывал молдавские декалитры. Русов засел в своем кабинете и часа два рассматривал входящую и исходящую корреспонденцию, которой, несмотря на заверения руководителей всех рангов становилось все больше и больше, особенно не нужных никому различных планов, отчетов и справок во все инстанции. Даже Президенту кто-то умный видимо подсказал, что оперативников из милиции уничтожит не коррупция, их просто завалят бумагами не давая возможности выйти из кабинетов и поэтому, выступая по радио с очередным обращением к россиянам и касаясь работы милиции, Президент во всеуслышание заявил и потребовал освободить оперсостав милиции от бумажной работы и позволить оперативникам заняться своими прямыми обязанностями- ловить преступников. Видимо в ответ на обращение Президента, из Главка пришла телетайпограмма с требованием милицейского руководства в очередной раз отменить выходные и провести на территории города сразу три поисковые операции, по которым составить планы, копии планов отправить в ГЛАВК, прокурору района, главе администрации и председателю суда. Отчеты о проведении операции давать письменно каждый день во все инстанции. Форма отчетов составляла пятьдесят пунктов по каждой операции, начиная от количества задействованных сил и средств, заканчивая состоянием погоды на момент проведения этого действия. Вот этой работой и занимался Русов, строча под три копирки пункты решительного искоренения преступности на территории отдельно взятого Орджоникидзевского района города Санкт-Петербурга. Вдруг резко зазвонил корабельный телефон, до этого спокойно висевший на стене кабинета Русова. У корабельного телефона было два достоинства: Его звонок напоминал всегда сигнал корабельных колоколов громкого боя и был слышен в любом уголке Управления и способен отыскать Русова, где бы он не находился в это время. И второе достоинство телефона заключалось в том, что подобные звонки для Русова были чем-то вроде терапии и очень хорошо тренировали и укрепляли нервную систему, особенно, если телефон срабатывал в ночное время, когда начальник уголовного розыска ложился отдохнуть. Русов заметил, что примерно месяца через три, он уже не вздрагивал при сработке сигнала. Была у телефона и своя история, таинственная и романтическая. Однажды, из ремонтного дока одного из судоремонтных заводов, который был расположен на территории, обслуживае-

мой Орджоникидзевским РУВД, неизвестные угнали или уплыли дизельную подводную лодку, пока команда лодки была на экскурсии в городе, а вахтенный находился в объятиях буфетчицы соседней с доком плавбазы. Подлодка в надводном положении смогла пройти только до Галерного моста. Затем, как позже показала служебная проверка, злоумышленники покрутили не те штурвальчики, в результате, заполнив, балластные цистерны погрузились на дно реки, к великому восторгу ловцов корюшки. Над водой остался торчать лишь перископ. А народ подумал, ученья идут. Рыбаки в ситуацию не вмешивались и спокойно ловили рыбу, глядя на неподвижный перископ и думая, что городское правительство все-таки наскребло денег на проведение учений Питерской военно-морской базы, а значит, не все еще так плохо в этой жизни. Через неделю, отставной мичман и главный рыбак Галерного моста Петрович, глядя на такой-же неподвижный перископ, высказал мудрую мысль, суть которой сводилась к тому, что при нынешнем отсутствии материальных средств у армии, учения не могут длиться целую неделю и лодке здесь некого в засаде караулить. Чеченцы, если верить средствам массовой информации, подводных лодок для своей армии еще не закупали, а больше врагов у правительства, кроме собственного народа, не было. Петрович позвонил по старым связям кому надо, но оттуда ответили, что учения вообще уже не проводились в течении пяти последних лет как победила перестройка и лодки все у пирса, на приколе. Но Петрович оказался человеком настойчивым и вскоре аварийно-спасательная бригада судов вспомогательного флота уже поднимала злополучную лодку с грунта, при полном стечении рыбаков с Галерного моста. Капитан первого ранга, руководивший операцией по подъему лодки, спустившись в центральный отсек увидел там страшно живописную картину. В отсеке, обнаженные по пояс, с лоснящимися телами, лежало четверо молодых парней с золотыми цепями на шеях. Парни были крепкими и их успели откачать, раскрытие угона лодки было записано на 131 отдел милиция, так как сын Петровича, бывший капитан третьего ранга и бывший командир ЕЧ-5 большого противолодочного корабля трудился ныне в скромной должности опера 131 отдела милиции и успел принять бумагу от Петровича о хищении подводного крейсера. Операм, в качестве премии, флот подарил корабельный телефон с лодки и оперативники, зная старую любовь Русова ко всему морскому в свою очередь подарили ему телефон на день рождения. Бойцы «федоровской» группировки с того дня начали носить на шее еще и золотые якоря. Уголовное дело по факту угона лодки возбуждать не стали, следовательно военной прокуратуры оценил материал как малозначительный, ввиду отсутствия материального ущерба, нанесенного флоту данным преступлением. Ставя последнюю точку в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела, следователь спросил все-таки у «федоровских» о цели угона лодки на что получил четкий ответ о том, что намечалась разборка с «астраханскими» за безымянный остров в районе третьего маяка в Финском заливе и лодка нужна была для похода на «стрелку», поскольку астраханские пообещали явиться туда на настоящем торпедном катере. Так закончилась эта история, а телефон с тех пор исправно нес службу в сухопутной милиции. – Слушаю, Русов! – Говорит оперативный дежурный Лебедев. У нас на бульваре Изобретателей дом 41, в подвале расчлененный труп, предположительно женщины. Опер 114 отдела уже на месте, информация подтвердилась, труп «свежий», «убойное» отделение собирается, эксперты тоже. – Твою мать, – выругался Русов про себя, – как сядешь планы писать, обязательно убийства случаются, как не пишешь, все нормально, вот закономерность интересная, сам же ответил дежурному: – Ладно, выезжаю, собирай группу, я с места тебе отзвонюсь. Через десять минут Русов был уже у нужного дома. Место происшествия всегда можно определить по скоплению сотрудников милиции и любопытных. Так и теперь, припарковав автомашину, Русов направился к стоящей у одной из парадных сорок первого дома группе милиционеров. От группы отделился опер 114 отдела Чернов. – Давай, информируй Володя, – бросил Русов еще на ходу, Чернов спрятал в карман блокнот и авторучку и сказал: –Сегодня, около девяти часов вечера, некий гражданин Сидоров, он иногда занимается частным извозом, проживает в Петровске, взял автома-

шину, решив подхалтурить. Выехал из гаража и на проспекте Саперов его остановил неизвестный парень, приметы его есть, лет двадцати пяти. Неизвестный сказал Сидорову, что нужно довести до Питера мясо и предложил Сидорову помочь ему в этом. Сидоров согласился. Неизвестный попросил водителя подъехать к дому, номера он не запомнил, дом находится тоже на проспекте Саперов. Парень зашел в угловую парадную и через минут десять вышел с двумя хозяйственными сумками в ездках, заполненными под завязку. Сумки погрузили в багажник автомашины и поехали в Питер. По дороге ни о чем не разговаривали, только перед городом неизвестный сказал, что адрес доставки мяса – бульвар Изобретателей. В Питере, неизвестный попросил съехать с трассы и показал на дом номер 41 по бульвару Изобретателей. У второй парадной, здесь-же попросил тормознуть и подождать, достал из багажника сумки и ушел в парадную. Водитель сидел и ждал его в автомашине. Примерно минут через пять неизвестный вышел, бросил Сидорову на колени золотую цепочку, расплачиваясь за рейс и дворами ушел. Сидоров, будучи по профессии патологоанатомом, заподозрил неладное, вышел из автомашины и открыл багажник. Все днище было в крови, причем Сидоров определил, что кровь была свежей. Поэтому он сразу приехал к нам в отдел. Я с ребятами выехал к этой парадной, а там кровавая дорожка прямо от проезжей части до входа в парадную. Мы туда и в подвале обнаружили то, что и вы сейчас увидите, если заглянете. Русов, помня постоянные предостережения главного криминалиста района Эдуарда Карловича не топтаться на месте происшествия, на цыпочках, обходя невидимые глазу микрочастицы зашел в парадную, попутно отметив у входа хорошо отпечатавшийся на асфальте рубчатый кровавый след. Тамбур парадной был в крови, кровавая цепочка вела через тамбур и заканчивалась у входа в подвал. Вход начинался металлическим люком, крышка которого была распахнута, далее в подвал вел вертикальный трап. Русов поднялся на две ступеньки лестницы и заглянул в люк, направив туда свет электрического фонаря. Луч высветил две женских ноги, смертельно-белых, отрубленных примерно в верхней части бедра и в районе щиколотки. Стопы ног отсутствовали. Далее, у окончания трапа луч фонаря так-же бесстрастно зафиксировал лежащее туловище с зияющей раной вместо головы, рядом два обрубка рук без кистей. Русов вышел из парадной. – Водитель Сидоров в отделе? – спросил он Чернова. – Да, в отделе, с ним сейчас работают. – Хорошо. С тебя Володя, вместе с отделенческими участковыми классика сыска, поквартирный обход этой парадной, хотя особого смысла я в этом не вижу, но закрепится надо. Я думаю, что этого парня с сумками из окон квартир многие видели, это нам поможет потом, когда мы его отловим и будем проводить опознание. Ваша задача и найти таких людей, кто хорошо видел и запомнил парня. Заодно выясняйте вопрос, почему он назвал именно этот адрес. Мог ведь сбросить сумки в любом жилом массиве, зачем так далеко ехать! Не успел Русов распределить роли как во двор, мягко урча двигателем медленно вполз милицейский «Форд». него вышел полковник Грабовенко. Он огляделся, но поняв, что к нему рапортовать никто не бежит, сам направился к Русову, которого помнил еще по работе в 164 отделе милиции, Русов объяснил суть происшедшего Грабовенко. В парадную тот заходить не стал, что было очень правильно. Плейшнер бы обязательно поставил полковника в пример, как нужно вести себя на осмотре места происшествия. Но сегодня Плейшнера не было, он отдыхал дома уже целую неделю после поездки в Главное Криминалистическое. Управление с сорокалитровой канистрой спирта с целью выбить для своего отдела криминалистический автобус-лабораторию для выездов вот на такие места происшествий, поэтому из специалистов-криминалистов на расчлененке был Николаев Женя, чему Русов был несказанно рад. В данном случае решалась еще одна проблема, с которой оперативники постоянно сталкивались на местах обнаружений трупов. Дело в том, что специализированное предприятие по транспортировке трупов в морги, а на милицейском сленге – «труповозка», брала тела только в том случае, если к ним имелся нормальный доступ, то есть с улиц, квартир, парадных и тому подобное. Следственно-оперативная группа же выезжала на достаточное число происшествий, где тела были

спрятаны в шахтах неработающих лифтов, закатанных в асфальт, сброшенных в канализационные колодцы, похороненных в чужую могилу и нужно было сначала этот труп вытащить наверх, а потом уж выдвигать версии, сам он поскользнулся и упал в чужую могилу или его убили. У милиции не было особых приспособлений для извлечения таких тел, а специальные службы этим не занимались. Но проблема ведь была. Молодых постовых милиционеров, охраняющих такие места происшествий в колодец послать было нельзя, они и так стояли обычно спиной к подобным картинам. Следовательно лезть тоже он был старшим на месте происшествия, приезжал всегда в костюме и белой рубашке, а человеку ведь потом, после всего домой-то на метро возвращаться приходится. Вы представляете себе картину? Один и тот-же человек постоянно ездит на метро поздно вечером весь в крови. Что могут подумать пассажиры? Да и большинство следовательского состава составляли женщины и всех их опера уважали, разве можно женщину запускать в канализационный колодец? Русов тоже лезть не мог. Мужчина он был крупный и мог застрять. Оставались только Плейшнер, да Николаев, а Плейшнера сегодня не было, «Женя уже сейчас копошился в подвале, перекладывая отрубленные ноги, цокал языком и сообщал из ямы подъехавшему следователю прокуратуры Львову, тоже Жене, некоторые особенности орудия отчленения. Русов помнил как они с Николаевым выезжали на одно убийство. Один приятель убил в квартире другого приятеля и попросил третьего приятеля помочь спрятать тело, чтоб концы в воду. Труп они затолкали в бетонную, изгибающуюся коленями трубу, соединяющую две насыпи. Затаскивали при помощи веревок всю ночь. Цело было летом, в милицию позвонили пацаны и сообщили, что из трубы идет вонь. Приехавшая опергруппа определила, что нужно лезть в трубу, а сколько по ней ползти, пока не наткнешься на источник, никто не знал. Длина трубы была метров сорок и через каждые пять метров изгибалась коленом, диаметр был маленький- только ползком и вдобавок по дну трубы текла зеленовато-коричневая жидкость, которую нельзя было назвать ни водой, ни чем-нибудь другим, просто вонючая маслянистая жидкость неизвестной консистенции. Когда встал вопрос кому ползти, постовые милиционеры побледнели и Русов понял, что упадут в обморок еще до трубы. Плейшнер был не в духе и ответил, что ему за доставку трупов не платят. Русов был в белом костюме. Все взгляды обратились к Жене, который и на этот раз к выезду отнесся серьезно, он одел армейский прорезиненный комбинезон типа ОЗК. Женя взял моток веревки, фонарь и исчез в трубе, как будто на фронте пополз за «языком». Все остальные сгрудились с обоих концов трубы и развлекали Женю анекдотами, периодически спрашивая, не застрял ли он? Николаев выполз из трубы минут через тридцать уже из другого конца с обнаженным телом убитого на спине. Вот такой был Николаев Женя! Уяснив картину случившегося Грабовенко приказал: – Немедленно делайте обход, составьте план мероприятий, план привезете мне в Главк, я его отредактирую. Я сейчас уезжаю обратно и доложу, что план по раскрытию этого преступления вы уже пишете. Русов обстановку накалять не стал. В это время, клацая изношенными клапанами во двор вкатил забрызганный грязью от колес до крыши жигуленок «убойного» отделения, лишь чудом не задев на повороте главковский «Форд». Еще до полной остановки автомашины из нее выпрыгнул подвижный как ртуть старший опер «убойного» Калинин Володя. Он моментально оценил обстановку, врезался в толпу у парадной, оттолкнул охранившего место происшествия постового милиционера и затаптывая так оберегаемые всеми микрочастицы скрылся в подъезде. Вышел он минут через пять и доложил стоящим рядом с Русовым операм: – мужики! Свежая расчлененка! У кого по этому поводу толковые мысли? Выслушав Русова и согласившись с ним он прищурил глаза:– Ну что, мы тогда в 114 отдел, переговорим с водилой, а потом в Пушкин. – Да, давайте, возьмите у водилы схему дома, если нужно, захватите его самого, он же живет там, сориентируется. Обязательно заскочите в местный отдел, возьмите кого-нибудь в форме, для подстраховки. Я думаю, там тоже такие-же пятна крови остались, в парадной или на лестнице, расчлененка явно квартирного происхождения, останки чистые, без земли и грязи. И позвоните мне на мото-

роллу, когда адрес пробьете. Калинин посмотрел на суровую фигуру Грабовенко и произнес: – Нас, учить, Николаевич, только портить, все будет нормально. У меня сегодня счастливый день для розыска всяких ублюдков, младшей дочке год исполнился, прямо от стола оторвали. Мы поехали. Жигуленок «убойного» обдав всех выхлопом исчез со двора так-же как и появился. – Кто это был? – произнес Грабовенко. – Да так, внештатный один, – махнул рукой Русов. – Ну, если внештатник, тогда еще простительно, но все-равно и внештатников нужно учить обращаться к старшему по должности и по званию согласно Устава и небрит он очень, бомж какой-то, а не внештатник, ладно, командуй здесь, я уехал докладывать, Русов закурил и прикинул расклад сил. С Калининным было еще два опера с «убойного», возьмут кого-нибудь еще из петровских, должно быть все нормально. С Калининным не забалуешь, если он уж след взял. А в этом деле следов хватает, может я напрасно сам не поехал, нет, мне еще проверяющих здесь встречать придется. Грабовенко не последний. Нет, у Калинкина не забалуешь. Калинин был одним из фанатов уголовного розыска. Все они когда-то начинали работать в 164 отделе милиции. Особенно неплохо Уфимцев и Калинин, аналитика и холодный расчет, и энергия и бесшабашность. Но потом, вдруг. Уфимцев начал испытывать муки преподавательского творчества, а если проще, смертельно устав от бессонных ночей и под завязку заполненных рабочей днень, Олег перевелся преподавателем права в военное училище, где начал учить курсантов и вовремя приходить домой. Калинин, не перенеся вероломства напарника и учителя, пришел к Русову и заявил, что он уже вырос из рубашки отделенческого опера и положил на стол рапорт о переводе его в Управление уголовного розыска Санкт-Петербурга. Там, по старой оперской привычке и собственному образу жизни устроил такую результативную деятельность по борьбе с преступностью, что был предупрежден коллегами по службе о необходимости держать средний показатель в своей деятельности, иначе отдел могут сократить. Судьба же с Калининным и Уфимцевым обошлась по своему. На беду или на счастье Уфимиева, начальником училища вскоре был назначен молодой и энергичный офицер-строевик, который сразу всем заявил, что юриспруденция и право это хорошо, но любой офицер училища, будь он хоть доктором юридических наук., обязан уметь стрелять из любых видов оружия, знать и водить военную технику и быть неприхотливым как в учении так и в бою. Как опер, Уфимцев мог многое, был неприхотлив и подолгу мог обходиться только тремя чашками кофе и беломо-ром, но стрелять мог только из табельного Макарова, в милиции другого оружия и боевой техники в эпоху его. И поднятый однажды ночью по тревоге, личный состав училища выдвинулся на заснеженный полигон и начал сдавать необходимые становления тогда еще не было. И поднятый однажды ночью по тревоге, личный состав училища выдвинулся на заснеженный полигон и начал сдавать необходимые военному человеку нормативы. Но Уфимиев ведь был в недалеком прошлом старшим офицером-розыскником. Он то и получил на этом заснеженном полигоне вводную от посредника о «гибели» комбата необходимости возглавить атаку на «зеленых». В своей жизни Олег перепробовал много профессий. В юности играл в сборной Питера по футболу, окончив мореходное училище за три года побывал на всех континентах мира, переигрывая в футбол личный состав элитных пассажирских судов Америки и Европы, но сошел на берег по банальным семейным причинам и нашел применение своему аналитическому уму в уголовке. В уголовке Уфимцев тоже многое выдержал, а вот морозной ночью, на полигоне, управляя командирской машиной и глядя в замерзший триплекс через стекла своих, таких же замерзших очков, майор Уфимцев совершил столкновение с наблюдательной вышкой, откуда посыпались проверяющие и посредник. После этого, Уфимцеву было предложено в течении трех месяцев по два часа в день водить на полигоне боевую машину, пока не сдаст на классность. Вспахав гусеницами полигон. Уфимцев понял, что все-таки его призвание на этот промежуток времени-ловить преступников. Но это официальная легенда. Неофициальная заключалась в нежелании подчиняться дуболомству военных начальников, которые тогда потихоньку занимали должности в Питере. С большими трудностями, чуть ли не став

дезертиром, очутился Уфимиев снова в рядах оперов Орджоникидзевского РУВД. Русов ной беседе с Уфимцевым за с вышкой хорошо закончилось, а если бы была вводная на применение боевых снарядов? Калинкина Володю сгубила его собственная энергия. Выслушав от оперов главка все, что о не?» думают, Калинкин деятельность свою умерил, но подвел его- его Однажды, когда Калинкин стоял перед зеркалом в своей квартире и примерял пляжный наряд, предназначенный для проведения очередного оперативного мероприятия, зазвонил телефон. 3 тот день Калинкин должен был ” пасти» на одном из городских пляжей групп «гастроллеров», совершающих в городе нападения на квартиры и поэтому был в соответствующем прикиде: красочной рубаше с белыми попугаями и трусами до колен в пальмах и обезьянах, рекламирующих отдых где-то на далеких островах, где Калинкин еще никогда не был. Трусы, это он хорошо помнил, назывались» бермудами» и были куплены специально для -.Владимир Викторович! – услышал он в трубке голос старшего трупы, тебя вызывает срочно начальник, ему понадобились твои отчеты по предыдущей операции. Так что давай, он ждет тебя. Калинкин хотел ответить, что он все уже сдал и ему нужно срочно на пляж, но трубку уже повесили. Через тридцать минут Калинкин был уже в главке. Долговязый омоновец на входе в Управление, где размещался уголовный розыск Санкт-Петербурга с изумлением смотрел то в удостоверение Калинкина, то» бермуды», не понимая, что от него хочет этот пляжный человек. И только тогда, когда Калинкин вытащил из недр трусов свой табельный Макаров, омоновец узнал Калинкина. – Ты что, Володя! Перегрелся или у вас сегодня бал-маскарад? – У нас каждый божий день бал-маскарад, – буркнул Калинкин и убрав ствол в трусы запрыгал по ступенькам лестницы. На втором этаже Калинкина ждал уже его начальник Ирисов. Он сначала не узнал Калинкина, а когда узнал, то махнул рукой на кабинет шефа всей уголовки города и сказал, что с Калинкиным туда не пойдет, слишком разная форма одежды. Шеф уголовного розыска города был назначен на эту должность всего месяц тому назад. До этого назначения он служил замполитом в провинциальном отделе милиции городского поселка, где случалось от силы полсотни преступлений в год. И вдруг, благодаря волне, замполит оказался вырванным из провинциального городка крепкими узами знакомства с нужными людьми и становится шефом уголовного розыска огромного города, с общим количеством совершаемых за год преступлений за пятьдесят тысяч. Ну неужели в огромном штате оперативников Питера не нашлось человека-профессионала, который смог возглавить службу? Нашлось бы, даже сотни две нашлось бы. Но все они были друзьями тех людей. Что нового может сказать операм такой начальник? Он и сказал: прежде всего дисциплина и строгое соблюдение Формы одежды, хотя опера форму никогда почти не носили, а вечная круговерть оперативных комбинаций предполагала совсем другие качества, необходимые оперу, чем дисциплина. Вот перед таким начальником и предстал в своем легкомысленном прикиде Володя Калинкин в тот злополучный день, демонстрируя тому-же слегка волосатые и кривоватые ноги правого нападающего. Замполит сразу забыл цель вызова Калинкина и только спросил: – Ты кто? – Старший оперуполномоченный 44 отдела Управления уголовного розыска, капитан Калинкин В. В. – Сто что-же за форма одежды у вас? Даю пять минут переодеться в форменную одежду и ко мне! Калинкин вышел за дверь и встал перед дилеммой: или плюнуть на все и ехать на пляж заниматься делом, или выполнять приказание начальства. Учитывая непродолжительный опыт работы в Главке, Калинкин быстро отступил в свой кабинет в надежде стрелкнуть на время Форменную одежду у кого-нибудь из коллег, но даже благодаря оперской смекалке; форму подобрать не удалось, то брюки волочились по земле, то китель напоминал шинель. Калинкина, к слову сказать, отличали хрупкое сложение и маленький рост. И вдруг капитан понял, что спасен. Он полез в шкаф и вытащил зимний комплект меховой Кормы, которая операм не полагалась, но ее Калинкин сумел получить на складе благодаря своему обаянию, для зимней рыбалки. Через пять минут Калинкин предстал перед замполитом в меховых штанах и такой-же куртке без погон, предназначенных для проведения многочасовых засад в условиях Крайнего Севера. Приговор руководства

был суров: Калинин было предложено никогда больше не переступать порога Управления уголовного розыска, а подыскать себе должность в каком-нибудь районном управлении милиции, не связанную с оперативной работой в соответствии своей сообразительностью. Калинин рванул к Русову. – Товарищ подполковник,! – снял Калинин шапку-ушанку, – возьми меня к себе в отдел или завтра уволят за нарушение формы одежды! – У меня, Володя две вакансии в «убойном» отделении, одна так и быть, для тебя, специально держал, знал, что вернешься, кто же еще кроме меня твои художества терпеть будет? – А вторая? – не выдержал Калинин. – А вторая, – Русов открыл дверь в канцелярию, – а вторая, считай, что уже занята. Калинин встал на носочки и заглянул через плечо Русова. За столом секретаря сидел в танковом комбинезоне Уфимцев и держа в огрубевших от механизмов управления боевой машиной руках ручку, писал рапорт о переводе его обратно, в милицию..Уфимцев поднял голову и увидел Калинина:– Тебя чего, Володя, в Арктику старшим опером посылают? —Да нет, это я на бал-маскараде в Главке был! —радостно ответил Калинин и все засмеялись. Вот так снова встретились сыщики, словно сама судьба давала им понять, что никакими полигонами не выветрить из сердца и души то особое состояние организма, которое оперативники называют —образ жизни! Пока Русов, от радости путая шкафчики, искал что-нибудь из закуски, Уфимцев отодвинул в сторону написанный рапорт и тоже от сердца, сочинил:

Нас все хоронят и хоронят,
В умах людей, в статьях газет,
Плюют в лицо, хамят, злословят
И требуют держать ответ,
Мол мы в работе импотенты,
Годны лишь пьяных обирать
Да дутые считать проценты,
Чтобы награды раздавать,
Нас всех «Иуд» давно скупили,
По тридцать долларов за нос,
Чтоб спали крепко, крепче пили
А чтобы не терзал вопрос:
Как лучше изловить злодея,
Как людям в горе их помочь,
Как без сомнения, не робея,
Хранить нам Питерскую ночь.
Конечно, мы не идеальны, грубы, ленивы иногда
И грамотности изначально
Иным хватает не всегда.
Но если в жизни вдруг настигнет
Кого-то подлая беда,
Когда все рушится и гибнет за помощью бегут сюда.
И мы, обиды забываем,
Глотая папиросный дым,
Чужие судьбы прикрываем,
Гордясь умением своим.
Не требуя взамен награды
Или в газета, пышных строк, —
Друзей оценке больше рады,
Да вот еще зарплате в срок.
Когда ж вокруг родные лица,

Когда мы сжатые в кулак,
Нас уважает и боится,
И стороной обходит враг.
Ему не до программы «Вести»,
Он в общем где-то не дурак,
Злу – то хорошо известен:
«Угрозыск» – фирменный наш знак.

Дальше пили без тостов. Сказанное Уфимцевым у всех присутствующих прошло через сердце.

Глава шестая

Жигуленок «убойного» отделения тормознул у 114 отдела милиции. Калинин и его коллеги Кудрик и Турецкий толкнули двери и очутились в кабинете отделенческого опера Пятидесятикова. Напротив Пятидесятикова сидел водитель-патологоанатом Сидоров и в который раз объяснял историю с расчлененным трупом, который он так лихо привез на бульвар Изобретателей. Калинин, ни слова не говоря, сел на стол напротив Сидорова и сделав страшные глаза обратился к нему: Ну, что, дорогой! Соучастие у тебя получается, в смысле – соучастие в совершении преступления, статья 33 уголовного кодекса России. Сидоров недоуменно уставился на Калинкина. – Да не знал я, что везу! Не знал! Пассажир-же все время молчал. Калинин не мигая смотрел на Сидорова, затем сказал: – В моей богатой практике еще не было человека, который нам сразу бы сказал. «Да, ребята! Это преступление совершил я. А голову закопал там-то, там-то. Нам к каждому приходится в душу лезть, к совести взывать, а то и другие устрашающие мероприятия проводить с ним. А у тебя, гражданин Сидоров, получается как в знаменитом стихотворении. Помнишь такие строки: «Отец слышь рубит, а я отвожу!» – Да ничего я не знаю, я все сказал, не убивал я никого! Я же сам к вам пришел и все рассказал, вот, товарищу, – Сидоров кивнул на Пятидесятикова. – Все рассказал? – переспросил Калинин у отделенческого опера. Тот кивнул головой. Калинин взял в руки объяснение Сидорова. – Так! В доме шесть парадных, как ты все хорошо запомнил только? Насчет парадных-то! – У меня профессиональная память. – Здравствуйте! – рассмеялся Калинин, – а по объяснению у тебя как-раз другая профессия, не связанная с профессиональной памятью, очень, кстати, уважаемая уголовным розыском. Ладно, бери ручку и набросай схему, откуда пассажир твой выносил сумки! Сидоров быстро набросал схему дома, Калинин еще раз сверился с бумагами и произнес: – Ну что, тронулись в путь! Жигуленок выскочил на петровскую трассу. Был час ночи. Первым нарушил молчание Кудрин. – Ты чего, Володя, на мужика наехал? Хорошо, что он и так в отдел приехал, а мог ведь спокойно багажник вымыть и спать лечь, вот тогда мы точно бегали бы языки высунув. – Да ничего! Наверное, я не совсем прав. Злой я какой-то стал, насмотревшись на сегодняшний беспредел, называемый жизнью. Вроде, еще пять-шесть лет назад мы были почти людьми новой формации, с моральным обликом, не укради! – Это с другой оперы, – перебил Кудрин, – в кодексе строителя коммунизма было написано, что человек человеку друг, товарищ и брат. – Во, во! Ты мне теперь, Кудрин напоминаешь нашего Валентина. У него все и сейчас братья, только ведь у него есть еще и сестры. Но это шутка, а ты посмотри. Прошло каких-то пять лет и как мы все здорово изменились. Бывшие идеологи коммунизма и социализма теперь спокойно делают деньги в разных темных и светлых структурах, а раньше помнишь, как они нам мозги полоскали своей преданностью коммунизму? Преданностью и ожиданием светлого будущего. Так вот, для них оно уже наступило. Армия и флот преданы и проданы, в Госдуме, помощники депутатов, все бывшие и настоящие «братки», на которых клейма негде ставить, а Хозяин с задумчивым видом ищет организованную преступность где-то в Брянске или Питере. На ключевых постах сидят чиновники, которые вообще не разбираются в вопросах, решать которые посажены. В нашей ментовке сплошной бал-маскарад, только кителя меняются. Хозяин спал спал, потом в очередной раз проснулся и говорит: «Давайте, мол, ребята с коррупцией поборемся!» – И вот посмотришь, пару «стрелочников» посадят и компания заглохнет. И к этим «стрелочникам» еще ментов наших тоже пару посадят. Их сажать проще, ни защиты, ни залога, да и следствие может вестись спокойно, не напрягаясь, кто ж за мента доброе слово скажет? Затем Хозяин сдаст еще пару высокопоставленных чиновников и объявит борьбу еще с кем-нибудь. Все это пустая болтовня, воры и коррупционеры сидят не здесь и надо не бороться, нужна нормальная программа деятельности всего государства, а ее все нет, одни лозунги опять. А вместо Закона у нас

вообще какая-то абракодабра. Это-ж надо еще додуматься, чтобы в революционное наше время принять главный Закон, соответствующий по букве и духу Закону высокоразвитой счастливой страны. Я и стран то таких не знаю. Вот у нас сегодня убийство, расчлененка. Ни я, ни Русов, ни Турецкий сегодня не дежури́м. Дежуришь ты, Кудрик! Так тогда к тебе приехали, зачем премся в этот Пушкин? Правильно, мы приехали к тебе на помощь. А почему? Да потому, что мы выкли свою работу делать честно до конца. Мы знаем, что один ты, Кудрик, по преступлению много не наработаешь, к тому-же ночь на дворе. И если бы мы поленились сегодня к тебе приехать командой, то утром нам всем действительно пришлось бы уже бороться, а не работать. Завис бы «глухарь» и за вечер и ночь мы многое упустили бы. Об этом еще кто-то великий сказал, что если все время собираться, чтобы петь песни, то и батарей отопления замерзнут и туалеты, и калоши будут из-под дверей воровать. И объясните мне, что такое коррупция? Это когда на металлургический комбинат на вертолетах прилетает «крыша» в лице вооруженного спецназа во главе с представителем правительства разбираться с директором этого комбината насчет своей доли или это мент, взявший двести долларов в качестве благодарности за раскрытое преступление? Ну, что молчите? Кудрик не отрывая взгляда от ночной трассы бросил: – Пускай тебе Турецкий объяснит, он у нас единственный, кто Академию МВД закончил. – Все это философия, -зевнул Турецкий, – тебе, Володя, лучше к Уфимцеву с подобным вопросом обратится, он тебе все по полочкам разложит. Ну а причем к нашему разговору Сидоров? – А наш Сидоров здесь при том, – продолжил Калинин, что Сидоров и есть тот самый народ, про который все сейчас любят говорить. И пока вы там, на бульваре с машиной ковырялись, я успел с Черновым переговорить. И получается, что наш патологоанатом еще в Пушкине знал, что ему в багажник труп загрузили и тем не менее он проехал двадцать километров, пересек два поста ГАИ, у него было много возможностей скрутить или отдать милиции своего пассажира, но он этого не сделал, а почему? – Приехали, – прервал спор Кудрик, – в адрес сразу поедem или местное РУВД? – Давай в РУВД, а то еще накладка получится, приедут местные, да перестреляем друг друга, мало таких случаев было? – ответил Калинин. В Пушкинском РУВД долго не могли поверить причине появления здесь оперов из Питера, но Калинин убедил всех сказав, что это не розыгрыш, до первого апреля еще далеко и они спокойно могут вернуться в Санкт-Петербург, свидетель есть, он скажет, что труп привез из Пушкина, следак возбудит уголовное дело и перешлет его в Пушкин и тогда придется не спать Пушкинским сыщикам, но время будет упущено. Последний аргумент убедил дежурного и он разбудил местного опера Петухова. Петухов оказался опером, обслуживающим как-раз ту территорию, где был нужный дом. Автомашину оставили у какого-то сквера и далее Петухов повел всех пешком.. Дом тоже нашли довольно быстро и по схеме Сидорова подошли к нужной парадной. Лестница была освещена, вот что значит провинция, даже лампочки в подъезде никто не выкручивает. Калинин остановил всех перед парадной дверью: – Ты, Петухов, с Кудриком пойдете на другую сторону дома, мы с Турецким будем смотреть парадную, связь по радиостанции. Калинин переложил пистолет из кабуры в карман брюк и толкнул дверь. От ступенек лестницы, через лестничную площадку первого этажа вели темные капельки засохшей крови, которые уходили куда-то вверх. Калинин жестом остановил Турецкого и поднял вверх большой палец, что означало, что все в цвет. Где-то в районе пятого этажа были слышны шлепки по бетону лестницы тряпкой или шваброй. Опера переглянулись и мягко ступая по ступенькам и прижимаясь к стене заскользили вверх. На площадке четвертого этажа остановились. Калинин, привстав на носки, выглянул через перила лестницы. На пятом этаже все так-же шлепала мокрая тряпка и пыхтел от усердия неизвестный. – Проверим! – одними губами прошептал Калинин и резко бросил тренированное тело через последний пролет лестницы. Опера выскочили на лестничную площадку. На площадке стоял парень лет двадцати пяти и с трудом держась на ногах от переизбытка алкоголя в организме, с трудом возил перед собой по бетонному полу мокрой шваброй. Вся лестничная площадка была, как пишут в милицевских протоколах

осмотра места преступления, «в пятнах бурого цвета, похожих на кровь.» Увидев внезапно появившихся оперов, парень выронил швабру и тупо уставился перед собой. «Похоже, наш пассажир» – мысленно успел прикинуть Калинин, но набранного темпа терять не стал. Он на ходу, футбольным приемом отбросил в сторону швабру и прыгнул на парня, ткнув того стволом в висок: – Тихо, сука! Это ограбление, номер квартиры, быстро! Турецкий, пританцовывая на площадке, страховал двери квартир. Он и успел заметить, что дверь квартиры, №50 только приоткрыта. На нее и показал изумленный от беспробудной пьянки и наглости «грабителей» пассажир. – Говори быстро, кто в квартире! Даю три секунды, убью, сволочь! – продолжал и шипеть на ухо пассажиру Калинин. Только мой приятель и дети, – наконец заговорил пассажир. – Где отрубленная голова? – не снижал темпа Калинин. – В ведре, на кухне, – в тон Калинин ответил пассажир и вдруг, испуганно икнув, уставился на оперативников. Калинин повернул пассажира вокруг своей оси и не сильно заботясь о его здоровье ткнул головой в стену, а Турецкий быстро защелкнул на его запястьях наручники. Опера взяли пассажира под руки и толкнув дверь ввалились в квартиру. Через мгновение, пассажир уже был прикован свободным конном наручников к ручке тридцати двухкилограммовой гири, стоявшей в коридоре. Квартира была двухкомнатной. В коридоре и на кухне горел свет. В квартире стояла мертвая тишина. Никто, к большому сожалению оперов, не оказывал им вооруженного сопротивления и не ругался даже матом. Лишь пассажир делал попытки улечься у гири, но мешали наручники. Калинин подошел к дверям, ведущим на кухню и тем-же футбольным приемом распахнул их. Глаза опера разом охватили маленькую кухоньку со столом у окна, который был заставлен пустыми бутылками и неопределенными остатками пищи. За столом, уронив голову на сложенные руки, сидел мужчина лет тридцати. Калинин хотел было свалить мужчину на пол, но вдруг остро ощутил знакомое чувство опасности. Калинин шарил глазами по кухоньке, но мозг никак не хотел фиксировать место, откуда волнами исходила эта опасность. Это было ощущение ножа, занесенного сзади, но позади шумно дышал Турецкий и значит, тыл был прикрыт. – Ну и ублюдки! Твою мать! – тихо выругался Турецкий. От его слов глаза Калинина перестали метаться по кухне и зафиксировали место, откуда исходила эта опасность. На столе, среди бутылок и объедков лежала, вернее стояла голова женщины. На столе она покоилась шейным срезом, черные, окровавленные волосы разметались по столу. На бескровном лице, широко открытые глаза. Со стороны затылка голова была подперта пустой бутылкой, перед передней частью стоял граненый стакан, наполненный жидкостью и сверху на стакане лежал кусок хлеба. От удара кухонной двери о стенку мужчина поднял от стола опухшую рожу и пьяно осклабился: – Заходи, мужики! Я тут с подругой ужи..., договорить он не успел. Калинин уже пришел в себя и с шумом вытолкнув из легких воздух ногой сбил ужинавшего на пол. Мужчина брякнулся головой о газовую плиту и затих. Опера вышли в коридор. Турецкий приоткрыл дверь маленькой комнаты, которая была первой по коридору. Через незанавешенное окно, от уличного фонаря, полосы света падали на кривобокую тахту у стены, другой мебели в комнате не было. С тахты раздавалось тихое посапывание. На ней мирно спали две девочки лет по пять каждой. Турецкий прикрыл дверь и на цыпочках пошел по коридору дальше. Но второй комнате было пусто, убогая мебель, старый телевизор в углу, открытая балконная дверь. Опер вышел на балкон. Внизу стремительно рванулась тень человека, прячась за дерево. – Выходи, Кудрик, ты уже убит. Поднимайтесь вверх, квартира пятидесятая- устало произнес Турецкий. Калинин стоял в дверях ванной комнаты и курил, что делал крайне редко. Турецкий заглянул в ванную через его плечо. Ванная была вся в подтеках крови. На ее дне, с растопыренными пальцами лежали отрубленные кисти рук и стопы ног. В прихожую вошли Кудрик и Петухов. – О, спортом занимаемся, – ткнул Кудрик гирию. – Тихо, не кричи! – поморщился Калинин, дети малолетние здесь спят. Давай, Петухов, принимай, так сказать, эстафету. Убийство совершено здесь, в квартире, значит и «мокруха» эта ваша, вам дальше и флаг в руки. Убийцы задержаны. Один тот, который с гирей, второй на кухне. Ты сколько в розыске работаешь. Петухов? Год

всего? Тогда на кухню не ходи. Вызывай своих, скажи, что информация о расчлененке подтвердилась. В маленькой комнате двое малолеток, когда ваши приедут, ты их разбуди и отведи к соседям. Я сейчас позвоню Русову, пускай они там со следяком решают насчет уголовного дела и все, мы вас покидаем. Калинин подошел к телефону, переговорил с Русовым. – Начальство объявило нам. всем благодарность и велело отдыхать, но я думаю, что дело это нужно довести до конца. Калинин подошел к пассажиру. Минуты три он пытался выяснить у него, говоря процессуальным языком, мотив этого убийства и степень участия каждого в расчленении тела. Но пассажир молчал, только хлопал красными от пьянки глазами. – Понятно, опять стойкий хмыкнул Калинин. Он рывком поднял гирию и сгибаясь под ее тяжестью потащил гирию с прикованным к ней пассажиром на балкон. Турецкий легонько подталкивал упирающегося пассажира в район спины. На балконе Калинин поставил гирию на хлипкое ограждение и снял с нее руку. Гирия угрожающе покачнулась. – Или я тебя отпускаю, или ты очень тихо нам рассказываешь все, о чем я тебя только что спросил, – Калинин указательным пальцем дотронулся до гири. Она опять покачнулась, наручники угрожающе звякнули. Пассажир дернул наручники к себе, удерживая гирию на ограждении и монотонно забубнил. – Я ее убил! Я! Мы втроем сидели на кухне и пили. Мне мой приятель, который на кухне. Серега его зовут, сказал, что мне моя изменяет. Я ее и ударил ножом в горло. Тогда Серега сказал, что нужно труп разрубить и спрятать по частям в разных местах. Мы затащили ее в ванную и там я все разрубил топором. Топор где? – спросил Калинин. Топор выбросил в мусоросборник около дома. Серега еще посоветовал отрубить руки и ноги, чтобы менты труп не опознали, когда найдут. Я так и сделал, только голову сам придумал отрезать. Потом части тела, мы упаковали в две сумки, я поймал какого-то «лоха» на «тачке» и отвез все в Питер, труп я сбросил в подвал дома 41 по бульвару Изобретателей, я в этом доме раньше жил. Труп и теперь там лежит. – Это мы знаем, – прервал пассажира Турецкий, – а чьи дети там, в комнате маленькой? – Мои дети, наши с Аней, – поправил себя пассажир. – И где они были, когда вы тут...? Далее Турецкий слов не наше и замолчал, втянув в себя воздух. —А детей мы закрыли в комнате еще утром, когда выпивать садились, они ничего не знают, – спокойно давал пояснения «пассажир». — Все, точка, поехали домой, – Калинин и опера шагнули с балкона. С проспекта во двор мигая синими проблесковыми огнями маячка въезжал уазик Пушкинского РУВД. «Пассажир» испуганно удерживал гирию обеими руками на хлипких перилах балкона. Рядом стоял опер Петухов и замороженно смотрел на гирию, готовый в любую минуту не дать покончить жизнь самоубийством «пассажир».

Глава седьмая

Телетайпограмма №4.

Обращаю ваше внимание на низкие результаты проводимых оперативно-профилактических операций. С этой целью предлагаю:

1. С 6.00 пятницы по 24.00 воскресенья провести целевую оперативно-профилактическую операцию «Бумеранг».
2. На проведение операции задействовать весь личный состав петербургской милиции.
3. Оплату за работу в выходные дни заменить отгулами в связи с отсутствием материальных средств.
4. Отчеты о проведении операции предоставить в понедельник к 12.00 в штаб ГУВД.

*Начальник ГУВД г. Санкт-Петербурга
генерал-майор Локтионов С. Г.*

После бессонной ночи утро облегчения не принесло. Нигде ничего не болело, но во всем теле чувствовалась усталость. Опять совещание у шефа, опять кабинеты уголовного розыска. Русов с тоской думал о том времени, когда для отдыха хватало четырех часов сна. Теперь их явно не хватало. Правда и работали теперь оперативники, да и вся питерская милиция, третий год без нормальных выходных. Руководство избрало очень интересную тактику организации работы своих подчиненных. Всю рабочую неделю уголовный розыск трудился в обычном режиме или вообще без режима, поскольку уходили домой только тогда, когда заканчивали свои мероприятия. Как только приближались выходные и все предвкушали возможность хоть отоспаться и посмотреть на своих близких, приходила высочайшая бумага – в субботу и воскресенье провести какую-нибудь; операцию под кодовым названием таким-то таким. На период проведения задействовать весь личный состав. Внизу, как обычно, стояла скромная приписка: «... в счет отработанных выходных предоставить отгулы». За два года работы у оперов набиралось по пол-года отгулов. Кто-же тебе их предоставит? Территориальным отделам милиции приходилось еще хуже. В дни проводимых операций в отделах толкалось одновременно до пяти проверяющих с Главка. Злые на начальство за пропавшие выходные, они цеплялись до каждой буквы. Верные неписанному правилу главковских клерков – «Если не заложил наверх как можно больше выявленных недостатков, ты не клерк», они всю «веселились» в отделах. Они, не нюхавшие в большинстве своем настоящей милицейской работы и никогда не испытывавшие настоящего удовлетворения от раскрытых сложных и несложных преступлений, они учили работать жомаевых, русовых, уфимгевых, соловьевичей. В различных проверяющих и инспектирующих подразделениях главка было две категории сотрудников, попавших туда на службу: Первая – сотрудники, для которых в работе главное – нормированный рабочий день с нормальными выходными и праздниками и минимумом ответственности за выполняемую работу. Вторая – сотрудники, которые не справились со своими обязанностями на земле», та то есть в отделах милиции и районных управлениях и вынуждены были от греха подальше искать более тихие и хлебные места, а если говорить языком военным, категория, которая сбежала с фронта и окопалась в штабах и неважно кем. И глядя на очередного грабовенковского проверяющего, который с умным видом вешая чертил план с красными стрелами искоренения преступности в отдельно взятом районе, Русов всегда думал: «Ну кого ты из себя строишь? Да посади тебя на месяц руководить хотя-бы территориальным отделом милиции, ты же за неделю уже доведешь до ручки самый передовой отдел района!» Но руководить территориальными отделами проверяющие не шли, такого за двадцать лет службы Русов не помнил. В уголовный розыск проверяющие тоже

не шли, для них это вообще было-бы самоубийством. Ибо, когда ты можешь всех поучать ни за что при этом не отвечая, это высший смысл работы инспекторских служаек. Впрочем, среди проверяющих были и толковые ребята, но это была небольшая категория бывших оперов, ушедших в проверяющие, поскольку ранее сами были затюканные этими проверяющими. Вот и сегодня, была пятница и едва Русов оказался в кабинете Уфимцева, тот вопросительно на него посмотрел: – да, Олег Геннадиевич! В выходные нам приказано провести операцию «Бумеранг». – Когда-нибудь этот «Бумеранг» снесет башку им самим, – глубокомысленно заметил Уфимцев, – с этими операциями никак в нормальный ритм работы не войти. Одни отчеты кругом. Придется ждать, когда организм сам найдет выход из этого. Организм бумажкой не обманешь, организму отдых нужен. – Да, ты прав. Как с молдавским вином? – спросил Русов. Потихоньку коплю материалы, номер телефона к стати, с которого велись переговоры зарегистрирован в платном туалете на проспекте Забастовок. Я там даже одного старого знакомого встретил, Кириллова Васю, помнишь такого? – А, гроза автолюбителей с Юго-Запада! – Ну, гроза не гроза, а повозится пришлось с ним. Так вот, переговоры велись с туалета, с кирилловского телефона. Звонил Удовиченко, Кириллов дал мне накончик, что груз вина хранился у нас в ангаре на проспекте Революционеров трое суток. На этом складе я тоже побывал, ничего нового там не узнал. Есть запись в журнале, что фирма «Гарант» арендует склад на трое суток, вот и все следы. Кладовщица пояснила, что по истечении трех суток пришла фура и увезла вино. Никаких бумаг по этому поводу не осталось. – Тогда у тебя два варианта, – сказал Русов, – или проверить всех Удовиченко, прописанных в Питере или все фирмы «Гарант» и через фирмы выходить на мошенников! – Я выбрал второй вариант, так мне кажется, проще, – ответил Уфимцев, – если бы у моего мошенника была фамилия, скажем, Голицин, тогда можно было бы быстро найти, по ЦАБу проверил и все, в Петербурге ведь Голицыных осталось всего двое. Один работает в прокуратуре города, другой швейцаром в гостинице «Европа», а вот ребят с фамилиями, оканчивающимися на букву «о», скоро пол Питера будет. Другая половина- ребята с непроизносимыми фамилиями и именами «Алик» через раз. Я уже запросил данные на все «Гаранты». Ладно, я пошел в «убойное», ребята там сожигательницу одного из наших пропавших безвести привезли, нужно с ней поработать и «поколоть». Мне кажется, что именно она приложила свою руку с лопатой к исчезновению мужа. Русов зашел в свой кабинет, достал бумагу с копиркой и вывел: " План мероприятий по операции «Бумеранг». Заревел корабельный телефон. Русов поднял трубку. – Дежурный Лебедев говорит. У нас на улице генерала Панфилова, дом 18, квартирный разбой. Звонила по ноль-два соседка» из тридцать седьмой квартиры, она видела через глазок, как двое посторонних мужчин взломали дверь соседней, тридцать восьмой квартиры и вошли туда. Я направил туда экипаж охраны. Преступники забаррикадировались в этой квартире, они вооружены, чем, пока неизвестно. Охрана пока контролирует входную дверь. – Понял! Выезжаю! – Русов взял из шкафа легкий бронежилет и нажал кнопку прямой связи с оперативниками: – Шпаков, Трюмилов, Григоренко и Серегин! Оружие, бронежилеты и к машине! Все, слава богу, оказались на месте, судя по быстрому ответу. Эти оперативники были ударной русовской группой для любых подобных разборок. Каждый в отделе уголовного розыска отвечал за определенную линию работы. Шпаков Григорий отвечал за розыск угнанных автомашин и триста дней в году пропадал в командировках на необъятных просторах России и стран СНГ, перегоняя ранее угнанный и теперь обнаруженный автотранспорт в Петербург. За два года работы он стал профессиональным перегонщиком и уже подумывал делать тоже самое, но на гражданке и за большие деньги. Но боялся своего приятеля Трюмилова, зная, что тот предательства не простит. Сам Трюмилов отвечал за внедрение в различные бандитские группировки и развал их изнутри. Поэтому ходил везде с радиотелефоном, ездил на джипе, чтобы легче было внедряться. Григоренко был самым молодым из сотрульников, в смысле оперского опыта. Но как бывший офицер-ракетчик

был по-военному исполнительен, пунктуален и дисциплинирован. И что самое важное, оказалось, что где-то в глубине григоренковского организма еле-еле билась жилка опера. И стоило ему сменить свои ракеты на беспокойную судьбу опера, как жилка забилась сильнее и Николай понял, что совсем может и напрасно в юношестве поступил в зенитно-ракетное училище, нужно было прямиком идти в школу милиции. Но пока ведь не попробуешь, до тех пор и не определишь, что там у тебя бьется! Серегин Миша был недоучившимся курсантом военного училища. Какая-то жилка у него забилась еще на втором курсе военного училища, но поскольку Серегин тогда еще не знал, какая это жилка, то был отчислен из военного училища и с той поры перепробовал много профессий. И только работая водителем-дальнобойщиком он разобрался в себе и сменил баранку седельного тягача на шариковую ручку опера. Вначале он путал пистолет с домкратом, засаду с рейсом, но толковым опером все-же стал. И чему Русов был особенно рад, Серегин имел водительское удостоверение, позволяющее ему управлять любыми видами автотранспорта. Как раз в это время Трюмилов отбил у бандитов очередную фирму и благодарный директор, со слезами на глазах, подарил уголовному розыску почти новый микроавтобус, бывший всего лет пять в эксплуатации. Автохозяинство этот бесценный подарок пыталось прибрать к своим, рукам, мотивируя это тем, что водителей такого класса, чтобы управлять микроавтобусом в уголовном розыске нет. Но подошел Серегин, показал «ксиву» и микроавтобус стал возить оперативников. Теперь ударная группа ехидно поглядывала из окон микроавтобуса на разболтанную постоянными выездами на трупы шестерку «убойного» отделения. А ударной группой называлась вот почему! Каждый отдел Управления уголовного розыска Санкт-Петербурга мечтал быть главным и значит приоритетным отделом управления. И поэтому все отделы поочередно слали телетайпограммы Русову с требованием создать аналогичные группы или отделения в Орджоникидзевском РУВД. Но в конце таких телетайпограмм всегда стояла скромная приписка: " ... создать такие отделения из внутренних резервов». Но ни внутренних, ни внешних резервов у Русова уже не было, начальник уголовного розыска ведь не министр внутренних дел, хотя судя по профессионализму последних министров, потянул, ей богу потянул бы. Поэтому Русов так-же поочередно отписывал в Управление о создании у себя таких отделений согласно запроса и Трюмилов и компания также поочередно фигурировали то отделением по раскрытию разбоев и грабежей, то отделением по борьбе с терроризмом, были, в общем, многостаночниками, вот только зарплату получали всегда одинаковую. Микроавтобус ворвался во двор 18 по проспекту Маршала Панфилова. Около второй парадной дома стояло два «жигуленка» экипажей охраны. В машинах никого не было, только двое милиционеров группы захвата маячили в тамбуре второго подъезда. Опера высыпали из микроавтобуса на улицу. Навстречу Русову шагнул из парадной сержант Николаев, водитель одной из групп захвата. – Давай, вводи в курс дела, быстро и подробно, – сказал Русов, вставая под козырек подъезда. – В одиннадцать ноль-ноль наш экипаж получил от дежурного по 164-му отделу милиции сообщение. Им в дежурку позвонила женщина из тридцать седьмой квартиры этого-же дома. Она сообщила, что видела через глазок своей квартиры, как двое неизвестных парней выбили дверь и проникли в тридцать восьмую квартиру на этой-же площадке. Мы как-раз находились рядом с проспектом Панфилова и дежурный передал сообщение нам, попросил проверить. «Тревог» у нас в это время не было, поэтому мы доехали минуты за две. Я остался внизу страховать парадную, а двое с нашего экипажа-Матвеев и Сидоров пошли осматривать квартиру. Она находится на седьмом этаже. Дверь была взломана и прикрыта изнутри. Сидоров шел по лестнице, а Матвеев поднялся на лифте. Он не стал ждать Сидорова и сразу вошел в квартиру, а в коридоре стоит молодой парень и держит в руках автомат уже направленный на Матвеева. Посмотрели они так друг на друга и Матвеев тихо вышел из квартиры, пятясь спиной, Дверь за ним захлопнули. Наши там, у дверей. Мы посоветовались и вызвали помощь, из парадной этой никто не выходил, кроме двух женщин. –

С другой стороны дома выставили кого-нибудь? – спросил Русов. – Никого, все наверху. – Зря вы такие беспечные ребята, – Русов кивнул Серегину, – давай, Миша, иди на ту сторону дома и поглядывай за балконами. На площадке седьмого этажа сгрудились шестеро ребят из групп захвата в полной боевой экипировке, бронежилеты, автоматы. Матвеев на площадке выделялся двухметровым ростом. Автомат в его руках казался игрушечным совком в руках ребенка. – Ну, что нового в квартире? – шепотом спросил Русов. Матвеев смущенно затоптался по площадке. – Тихо там, никакого шума, немного лоханулся я, – пробасил Матвеев. – Это тебе Молотов на разборах полетов потом объяснит, – тронул Русов за рукав куртки Матвеева. – Сколько в квартире людей и какое у них оружие? – Я видел только одного человека, мужика лет двадцати пяти, рост, у него средний, в темных брюках и кожаной короткой куртке. В руках у него был автомат АКСУ, такой как и у нас. У ног стояла черная вместительная спортивная сумка. Я уже было подумал, что отъездился по «тревогам», но он стрелять не стал. Не знаю, почему! Хотя флажок предохранителя он сбросил тогда уже, когда я стоял в прихожей, оставалось только нажать на курок. – Мы у него потом обязательно спросим, – Русов закурил, – квартира однокомнатная? – Да, однокомнатная, типовая для таких домов-кораблей. Русов подошел к двери и встал у косяка, приложился ухом к двери.. В квартире было по-прежнему тихо. Но из-за двери тянуло сквозняком, причем тянуло внушительно. Видимо был открыт балкон или окно. – Ладно! Нужно принимать решение, нечего тут топтаться, – Русов и крикнул: – Внимание! Там за дверью! Я начальник уголовного вы ничего страшного не сделали, выходите! Вы заблокированы, при оказании вооруженного розыска, пока вы ничего страшного не сделали, выходите! Вы заблокированы, при оказании вооруженного сопротивления будете уничтожены! Даю на раздумье три минуты, не делайте глупостей в простой для вас ситуации. Все! Время пошло! Три минуты напряженного ожидания, сдаваться никто не хотел. но за дверью стояла тишина, сдаваться никто не хотел – Все! – Русов посмотрел на часы, – штурмуем! Матвеев с сомнением глянул на легкий бронежилет Русова и игрушечный пистолет Макарова в руке, решительно оттеснил всех от косяка двери и звякнув металлической кольчугой пробасил: – Позвольте исправить ошибку, меня все-равно Молотов загрызет, а тут может ранение какое получу, все-же оправдание будет. Несмотря на габариты и ситуацию, Матвеев чувства юмора явно не утратил. Входную дверь он выбил с одного удара и полностью, вместе с петлями дверь улетела в прихожую. Вслед за Матвеевым по квартире сразу разбежались опера и охрана. Но в ней было пусто, только занавески балконной двери полоскались парусом от ветра. Русов вышел на балкон, осмотрелся. Внизу маячил Серегин и знаками показывал, что все спокойно. – Куда-же они подевались? А ведь открытые в комнате дверцы в стенке и в спешке разбросанные по полу носильные вещи подтверждали слова Матвеева. Преступники в квартире были и уйти никак не могли. Можно конечно было прыгнуть на балкон квартиры ниже этажом или подняться опять-же на балкон верхней, но для этого нужна была соответствующая подготовка и альпинистское снаряжение. А с такими квалифицированными квартирными ворами Русов за время службы не сталкивался. Он даже для себя прикинул, смог бы он в такой ситуации добраться до соседнего балкона даже при наличии веревок. И хотя в свое время служил в спецназе понял, что это трудно и заняло бы минут десять времени, которого у преступников никак не было. Русов послал Матвеева и его команду перекрыть все четыре подъезда дома, а сам с оперативниками проверил нижнюю и верхнюю квартиры от тридцать восьмой. Жильцы обеих квартир с пониманием отнеслись к стратегическому замыслу начальника уголовного розыска. В квартиры его впустили, но уже по глазам жильцов Русов видел, что посторонних в квартирах нет, поэтому ограничился предупреждением о недопустимости использования самогонных аппаратов в городских условиях. Оперативники собрались на лестничной площадке. Но обсудить сложившуюся ситуацию не успели. На лестнице раздался топот и на площадку с пистолетом в руке выскочили зам. по уголовному розыску 164 отдела милиции Дукулов с таким-же запыхавшимся опером

Чернецовским. "-Долго едешь, Анатолий!" – ехидно поддел Дукулова Русов. – Если бы ехали, а то все бегаем. Все автомашины эти деятели с автохозяйства к стенке поставили, – Дукулов обиженно засопел.» – А что случилось? – Па понимаешь, пришла пора техосмотр проходить. Водители наши на станцию, а им там от ворот поворот, ни одна автомашина техосмотр не прошла. Там сидят пенсионеры и ветераны-гаишники. Им до фонаря наши проблемы, они действуют по своей инструкции, образца 1913 года, созданной еще для конных экипажей полиции. А по инструкции, ментовский уазик должен быть светел, чист, с хорошей резиной и технически исправен. Но это по инструкции. И по той-же инструкции водителя запасными частями, маслом, регулярно проводить техобслуживание этих-же автомашин и поставлять новые автомашины по мере списывания старых для успешной борьбы с преступностью, А нашим отделенческим уазам всем по десять лет на круг и запчасти они видели последний раз еще при коммунизме, а в автохозяйстве в качестве механиков и слесарей работают преимущественно люди с судимостями. Ты представляешь, как ранее судимый человек менту, его сажавшему, отремонтирует машину. Правильно! До ближайшего кладбища или в лучшем, автохозяйство наше обязано снабжать случае- до травматологического пункта! Посмотришь на ментовский уазик и плакать хочется. Едет и крыльями хлопает, кажется, что сейчас взлетит. Мы тут сутки назад на таком уазике одного бандита гоняли на БМВ. Ты представляешь, за пять минут погони на проспекте Забастовок догнали и задержали. Оказывается, он просто со страху сам остановился, когда увидел, что за ним катит дребезжащее и вибрирующее на ходу чудо, ужас усиливала еще воющая сирена. Прямо психологическая атака получилась. – Да! Выходит сбылась мечта экс-депутата Путятина, – усмехнулся Русов, – теперь ментовские автомашины жильцам не мешают и мирно стоят у стенки. Русов быстро ввел Дукулова в курс дела. – Значит так. Толя! Ты берешь Чернецовского и пару своих участковых и проверяешь все квартиры в этой парадной, я со своими операми проверяю все остальные, раствориться преступники не могли. Вероятнее всего, что воспользовались шумихой и успели попасть в какую-нибудь квартиру и теперь выжидают. Мы покрутимся, не кого найдем и уедем, тогда они и выйдут спокойно. Мы же не можем устраивать всему дому и его жильцам суточную осаду жать здесь долго наших людей, и смеяться народ будет от нерасторопности милиции. Так, что давайте, в темпе и осторожно! Как ни странно, но почти все жильцы открывали квартиры и давали возможность их осмотреть. Жильцов опера старались не обижать лишними подозрения. И, хотя на слово привыкли не верить никому, поскольку верили лишь своим глазам, опыту и интуиции. Поэтому, и осматривали все квартиры, независимо от заверений дружбе между милицией и народом. Квартиры, где не подавали признаков жизни, брали на заметку для их дальнейшей обработки. Шел второй час проверки парад- ной. Уже было выявлено и изъято сто двадцать литров технического спирта в двадцатилитровых пластмассовых канистрах, двадцать ящиков готовой продукции-бодяги под таким знакомым всем названием- «Русская водка», станок для закатывания пробок, стопки различных наклеек названий алкогольной продукции всего мира от «Джин капитанский» до шампанского неизвестных островов в Средиземном море. Был найден штамп с аббревиатурой «Бакинский коньячный завод». печать армянского завода «Арагат», Петербургского «Кристалл» белорусского «Белый аист» и нечитаемые штампы малых и средних обществ с ограниченной ответственностью, юридическим адресом которых служила улица Малая Арнаутская, что в Одессе. Во всем этом великолепии штампов, станков и печатей была заслуга Дукулова и отделенческих участковых, которые пользуясь радушием жильцов, напуганных появлением в доме террористов, свободным доступом в квартиры, всю «лепили» заодно и показатели борьбы с самогонварением и кустарным изготовлением спиртного для себя и отдела милиции. Участковые радовались как дети. На пол-года был выполнен план на каждого участкового отдела милиции по всем имеющимся в милиции показателям. Было все, но Вот и опять седьмой этаж, только в другой парадной. Русов нажал кнопку звонка. Дверь никто не открыл, в квартире было тихо и оперативники

собрались было звонить в другую квартиру, когда за дверью раздался тихий женский голос: – Кто там? – Участковый инспектор 164 отдела милиции Иванов, – ответил Русов, – проверка паспортного режима, откройте дверь, пожалуйста, я задам вам несколько вопросов. Дверь послушно щелкнула и на пороге квартиры показалась молодая женщина в домашнем халате. Она встала на пороге и Русов понял, что в квартиру женщина никого впускать не собирается. Русов посмотрел в глаза женщины и сказал: – Посторонние в квартире есть? – Нет у меня никого. Только я да моя подруга с малыми детьми! Она еще говорила и старалась держаться непринужденно, но Русов уже видел, что и своей речью и своими глазами женщина старалась в меру сил показать, что с квартирой у нее не все ладно. Начальник уголовного розыска уже женщину не слушал. Мозг усиленно проигрывал возможность захвата преступников и решения не находил. Давай, думай, думай! Про детей она сказала не напрасно. Видимо, и ее подруга и дети и эти скалолазы хреновы с оружием находятся в комнате, комната дальняя по коридору, коридор страхуется, не добежать! Да и дети! Нет. Силовой вариант захвата отпадает пока. Но если закрыть сейчас дверь и дать женщине уйти, все равно потом придется вызывать группу спецназа, вести переговоры. Уйдет уйма времени, а результат неизвестен. У нас в России ведь привыкли от страха и нежелания взять решение таких вопросов на себя, по первому требованию предъявлять преступникам их джентельментский набор: вертолет или самолет, миллион американских долларов и беспрепятственный вылет в любые эмираты. А потом, с осознанием хорошо выполненного долга, важно кивать перед телевизионной камерой, что я мол пекся о безопасности заложников, о безопасности людей. Ха! Он пекся! Да он пекся о собственной шкуре, чтобы в случае неудачи не отлучили от кормушки и на пенсию не отправили. Преступников, заранее имевших умысел на захват в качестве заложников и захвативших десятки людей, в том числе женщин и детей и из всех известных мне грехов, за вами квартирная кража в этом доме сегодня и оружие, а это, по сравнению с жизнью человеческой, ноль! Не усугубляйте свое положение, я жду на кухне. Через некоторое время дверь, ведущая в комнату скрипнула, появился сначала ствол автомата, затем из-за двери выглянул парень лет тридцати, внимательно окинул взглядом Русова, прошел метра три по коридору, молча ткнул стволом в сторону Русова, затем в сторону кухни. Также молча, он показал хозяйке на дверь комнаты. Русов и незнакомец прошли на кухню. – Смелый ты мужик, начальник! В таком «бронике» гуляешь, – ствол автомата прочертил дугу и уперся в легкий бронежилет Русова в районе груди. – Так что дают, то и носим, – Русов втянул живот в себя, – давай знакомится! Я, Русов Иван, начальник уголовного розыска района. Ствол положи куда-нибудь в сторону. Он у меня вызывает всегда нездоровые ассоциации, да и не люблю я, когда оружием пугают! Оружие нужно или применять, раз ты его показал, или держать скрытно, и стреляет оно иногда само, что самое интересное, без воли хозяина. Парень еще раз посмотрел на Русова и вышел из кухни. Вернулся он уже без автомата. – Моя фамилия Никонов. Откликаюсь на имя Сергей! Капитан запаса воздушно-десантных войск. В комнате мой приятель Николай. Ты, начальник, обскажи, что нас ждет?. И возможные гарантии, а потом мы поговорим о сдаче. Русов пожал плечами:– Знаешь, парень! Я не могу тебе вот так сразу сказать, что вас ждет! Что-бы ответить на этот простой для тебя вопрос, мне нужно знать немного больше, чем то, что ты Никонов, а твой приятель Николай! Спешить нам некуда уже, расскажи мне поподробнее о своем капитанстве в ВДВ, ну и главное, как вы оказались в квартире, зачем оказались, короче, весь свой путь от капитана элитных российских войск до необычного вора-квартирника! А потом, я уж по возможности обрисую тебе, что вас ждет и если получится разговор, то и возможные гарантии. – Хорошо, я понял! – ответил Никонов, – только у меня к тебе еще – один вопрос будет перед предстоящим нашим разговором. Ты служил когда-нибудь в армии и если служил, то где? – Когда-нибудь, в армии я служил. Было это давно и служил я еще в советской армии, в первой бригаде спецназа КГБ, что недалеко от Мурманска, на полуострове одном. –

Знаю, – ответил Никонов, – с вашей бригадой у нас учения были, еще в мою бытность лейтенантом. Тогда мы хорошо вас потрепали и в сопки загнали. – Так это потому так случилось, что меня в бригаде уже не было, – пошутил Русов, – вот видишь, мы с тобой еще и коллеги по армейскому оружию. Давай, рассказывай, а то народ в доме и на улице очень волнуется, напуганный террористами. Да и СОБР наш, милицейский сообщение уже получил, наверное, тоже волнуется, ехать или не ехать! А у нас там ребята с отличной подготовкой, не хуже чем у вас, десантников, верь мне, я проверял, не раз вместе работать приходилось. Знаешь, Сергей! Люди сейчас злые стали, особенно на вас, на террористов, так что не усложняй. Я тебе даже помогу, но это потом. – Ну слушай, начальник! Окончил Рязанское училище, сразу попал в Афган. Пробыл там четыре года с небольшими перерывами. Столько нахлебался, что и рассказывать не буду. Вывели нас наконец оттуда в известный год. Месяцев пять я провалялся в госпитале с желтухой, дизентерией и еще кучей всякого дерьма. В армии меня оставили, хотя два раза в звании понижали, но это вас, ментов не касается, это не за преступления. Потом пошли «горячие точки» в разных концах бывшего Союза. В общем, втянулся я в эти войны, стал человеком с ружьем. Все здоровье отдал армии. Ты не смотри, что я такой худенький и выгляжу молодо, мне ведь далеко за тридцать. А секрет молодости моей прост. Постоянные физические нагрузки и эмоциональные стрессы. Здесь или сдохнешь сразу или закалишься навек. Мне вот повезло, я закалился. При этих словах Никонова, Русов посмотрел на свой округлившийся живот. Со стрессами в уголовном розыске было все в порядке, хватало, но живот упорно округлялся прямо пропорционально стрессам. – Так вот, – продолжал Никонов, – а потом пошел страшный накат на армию со всех сторон. Мол мы все сволочи, только и умеем сограждан саперными лопатками молотить. Нас, элиту армии, самые профессиональные войска смешали с дерьмом, будто это и не мы защищали и страну и генсеков этой страны и президентов и правительство, будто это не мы выполняли их приказы и являлись единственной реальной силой на пути к беспределу. У руля стали другие профессионалы. Ты наверное, смотрел все эти годы телевизор. Если главнокомандующий рассуждает про двадцать восемь или тридцать восемь снайперов и при этом показывает глазами, как они туда сюда, то считай, что мы приплыли! А военачальников наших ты видел? Дает интервью, глаза растопырил, звезды генеральские на погонах блестят, а сам до этого всю жизнь в Кремле двери перед кем-то открывал и закрывал – вот и весь его боевой опыт и армейская выучка, а его ставят главным на той бойне. Да наш командир роты или взвода не позволил бы себе нести такую галиматью. А ваш этот маршал! Да ему больше конвойной роты доверить страшно. В общем, не выдержали мои нервы, написал я рапорт и к матери в Питер. Она у меня одна, больше нет никого. У меня три боевых ордена, а я работу год найти себе не мог, так и не нашел, до сегодняшней нашей встречи. Вскоре нашли меня. Приехали «братки» и отвезли меня в офис. А там командует бывший мой одноклассник, в школе делал большие успехи раньше по линии комсомола. Он мне и предложил безбедную и радостную жизнь. Только понимаешь, в людей стрелять я не могу, кровь на мне есть, но то кровь сражений, А тут, увольте. Короче, разбежались мы с одноклассником. Но дальше-хуже. Жить то надо. Грузчиком работать не могу принципиально, не та подготовка. Запил я от безысходности, крепко запил! Сегодня встал с «бодуна», ну думаю, я вам всем сволочам устрою сейчас жизнь! И решил я заняться робингудством, освобождать ворье от излишеств. Но судя по детективам, до которых я большой любитель, о местах хранения таких излишеств нужна хорошая информация. А информации у меня не было, а голова болит. Поэтому я решил пробный выход сделать наудачу. Кликнул своего приятеля Колю, погрузил в сумку арсенал – сувениры с мест моих старых битв и пошли! Тот дом выбрали на глаз, от метро он недалеко. Квартиру подломили первую попавшуюся, а в квартире обстановка рабоче-крестьянская, даже тараканов на кухне нет, нечего там взять. Бросили мы это дело и хотели выходить на улицу, чтобы пивка попить, а тут дверь входная открывается и на пороге юноша

в форме и с автоматом. Я бы мог, конечно, положить всю вашу группу захвата одной короткой очередью, к бою я готов всегда, но в ребят в российской форме я никогда не стрелял и стрелять не буду. Хорошо, парень ваш оказался сообразительный и выкатился за дверь, да и оружие у него с предохранителя даже снято не было, тоже мне, группа захвата! Ну, тут у меня в башке что-то щелкнуло и я опять как будто в окопах очутился. А в экстремальных ситуациях я думаю всегда очень быстро. -Оружие сложил в сумку, Колю оставил на балконе, сумку повесил себе на шею и перешел, вернее переполз по пазу между плитами до соседнего балкона этой вот парадной. Коля сделал это за мной. Стрессовая ситуация всегда делает человека тренированного намного собранней. Постучали в балконную дверь, объяснили хозяйке, что никого не тронем, посидим только, пока менты уедут. Так, что тут у нас все чисто, без заложников. Когда я понял, что началась планомерная осада, то подумал, что господь уготовил мне видимо еще одно испытание – пройти через тюремную камеру. Не хочу я того, начальник. Я уже так настрадался, что больше не выдержу, сотворю чего-нибудь покруче. Поэтому я тебе всю правду и рассказываю. А то бы дудки! Нашел себе собеседника! Я вам, ментам, никому не верю! – Тут ты неправ, Сергей! – перебил его Русов, – обычно мы, уголовный розыск, это последняя инстанция, кому рассказывают правду, когда припрет. Потом уже врут следователю, ищут адвоката, который тоже помогает врать, изворачиваются на суде. Потом идут в колонию и там тоже врут и рассказывают сказки, как его невиновного ни за что посадили, то есть опять врут! А нам, почти всегда говорят правду, даже если она и не фигурирует потом нигде в протоколах. И ты мне тоже говоришь правду, в этом я тебе верю! А знаешь, почему? Да потому, что тебе деваться больше некуда! Я обложил вас по всем правилам военного искусства и сам пришел в эту квартиру и веду сейчас с тобой жесткий, но справедливый разговор. И ты тоже видишь, что перед тобой не двадцатилетний мальчишка-следователь, который еще не то что Закона, он жизни еще не знает. И будет он с тобой разговаривать по протокольному, от сих до сих! На долгие разговоры с тобой у него нет ни опыта, ни времени, ни желания, ментовка ведь тоже многое теряет в сегодняшнем беспределе и профессионалов и наработанные десятилетиями тактику и стратегию сыска. И ты, чувствуя это, будешь мальчику врать. И тебе докажут только то, что докажут! Это беда наша милицейская, выживание профессионалов. Не мы сами себя до такой жизни довели. Нас довели те-же люди, что и тебя. Но, ничего пока! На десяток неопытных один опытный еще остался. Твое нахождение сегодня в этой квартире – живой тому пример! А расклад пока такой получается. Ты сейчас берешь сумочку с оружием и мы выходишь на улицу и дальше, в отдел милиции. А имеете вы попытку квартирной кражи и оружие! Хотя это и сувениры, как ты выразился, но за ношение таких сувениров закон у нас карает! В общем, по двум статья уголовного кодекса сроки у вас плевые получатся. На суде ты расскажешь про свои боевые заслуги и считай, что и лишения свободы не получишь. Это при всем при том, что ты был со мной действительно откровенен и при дальнейшей проверке нашей какой-нибудь ствол твой не окажется «паленым». Давай, собирайся и пошли! – Сейчас идем, начальник! У меня к тебе только три последних просьбы. Первая, давай попьем чайку, раз уж хозяйка приготовила. Вторая, скажи своим, чтоб спецназ ваш убрали. И третья, хочу я маме позвонить отсюда. Скажи, куда нас повезут? – Вас повезут в 154 отдел милиции, чайку мы попьем сейчас, – Русов подошел к входной двери, – кто из оперов на площадке? – Мы! – раздался голос Дукулова, – здесь еще старший «Тайфуна» и прокурор наш районный, остальные внизу, в штабном автобусе. там весь дом собрался! – Скажи всем, что все нормально, мужики сдаются добровольно, ми-нут через пятнадцать мы выходим, снимай оцепление! Русов вернулся на кухню. Никонов заканчивал разговор с матерью, объясняя ей, что его нужно искать в 164 отделе милиции. В комнате напарник собирал в сумку арсенал. На дело афганцы взяли с собой автомат АКСУ, два магазина с патронами к нему, четыре гранаты, пистолет Стечкина, пистолет Макарова с патронами, неизвестное Русову взрывное устройство с приемо-передатчиком и два

десантных ножа-стропореза. Взрывное устройство не рванет? – спросил Русов. – Не рванет! Мы-же профессионалы – заметил осипшим от последней пьянки голосом Николай. Хозяйка уже повеселела и с любопытством смотрела на сборы мужиков. «Идеалистическая картина получается» – подумал Русов, – «прямо проводы защитников Отечества на очередную войну!» Никонов застегнул сумку на молнию и протянул Русову. – Нет! Дорогой мой, сам неси, я тебе не оруженосец! Двор дома походил на концертную площадку перед выступлением известной рок-группы. Все свободное пространство было забито жильцами близлежащих домов, гуляющими и просто любителями всяких чрезвычайных происшествий. Кое-где в толпу были вкраплены милицейские серые и камуфляжные куртки спецназа. На газоне, ошетилившихся штырями антенн, стоял микроавтобус с надписью на борту «ГУВД г. Санкт-Петербурга. Оперативный штаб по борьбе с терроризмом.» В салоне микроавтобуса Русов успел заметить сосредоточенное лицо полковника Грабовенко. Перед ним лежал ворох бумаг в диаграммах, испещренных красными и синими стрелами направления главного удара. Рядом – набор импортных фломастеров, в левой руке Грабовенко держал микрофон. Прямо картина неизвестного художника «Полководец перед штурмом!» Видно план уже закончил писать на проведение этой операции, – подумал Русов, но мысль испуганно шарахнулась в пространство, так как толпа дружно взревела, увидев мужественные фигуры Русова и оперов в легких бронежилетах и «террористов-квартирников» с сумкой. Вид у них был угнетенный, но только Русов знал истинную причину их состояния, мужики страдали от тяжелого похмелья и пара бутылок пива для них были сейчас бы дороже любых оправдательных приговоров. «Террористов» Русов затолкал в любезно предоставленный высоким милицейским начальством заграничный сверкающий джип, на переднем сидении которого уже вертелся Дукулов, отдавая ошарашенному водителю хромированного чуда указания, куда ехать и где сворачивать! Личный водитель высокого начальства к такому обращению к себе не привык и не сразу понял, что от него хотят? Но вид у Дукулова тянул как минимум на старшего опера по особо важным делам МВД России и перечить водителю ему не стал. Тем более, что Русов успокоил его сказав, что Дукулову он переподчиняется всего на каких-то десять минут, только доехать до отдела. Под улюлюканье толпы джип скрылся под аркой дома. «Смотри ты! И завелся ведь с пол-оборота!» Это было последнее, что успел прочесть Русов на радостном лине уезжающего Дукулова. Толпа тут-же окружила Русова и оперативников и это было первое единение милиции и народа за всю службу Русова. Когда все стали расходиться, из штабного автобуса выбрался полковник Грабовенко. Поздравлять оперативников он не стал, но отвел Русова в сторонку, взял кипу листов не понадобившегося плана операции и долго втолковывал начальнику уголовного розыска, как должен выглядеть план операции, где должен находится каждый сотрудник. Он сделал замечание за отсутствие четкой связи с нарядами, задействованными в поимке «террористов». И лично сказал Русову, что не дело, начальнику уголовного розыска бегать по парадным. Необходимо было раскинуть прямо на газоне у дома радиостанцию и руководить снизу всеми. В 164 отделе милиции Русова встретили начальник РУВД Можаяев и заместитель начальника петербургской милиции, генерал Михайлов. Выслушав доклад начальника уголовного розыска, Можаяев вопросительно посмотрел на Михайлова: – Всех отличившихся представить к правительственным наградам, -его, – ткнул пальцем Михайлов в Русова – к ордену! Вошел начальник отдела милиции Соловьевич -Все готово, товарищ генерал! – Пойдем, сынок, стресс снимешь! И все пошли вслед за генералом в комнату отдыха. Русов снимал стресс, Можаяев и Михайлов просто выпили по рюмке за прошедший день, не принеший городу, благодаря мужеству оперов, очередной крови. С Можаяевым и Михайловым можно было не только выпить, но и поговорить по душам. Один был настоящим ментовским полковником, другой, настоящим ментовским генералом, единственным в Петербурге генералом, который получил свои генеральские погоны после сорокалетней службы в уголовном розыске, а не пришел за званием из недр коммунального

хозяйства или лесотехнической академии. После третьей рюмки сторожилы милицейской службы стали вспоминать былые годы боевой славы. Проговорили еще часа три. Когда вышли из отдела, была глубокая ночь. Можаяев уехал чуть пораньше. На улице генерал долго искал свой служебный джип с водителем. Ни того ни другого не было! – На территорию опером отправлю, твою мать! Совсем зажрался. Уже и генералу не подчиняется! – распекал Михайлов отсутствующего водителя, – дежурный! Запроси по рации, где он есть? – Второй! Второй! Ответь Рязани. Где находишься? – Второй на приеме! – раздался усиленный динамиками голос Дукулова, – нахожусь на проспекте Забастовок. Гоню в сторону отдела три иномарки с бандюками. Помощи не надо, хрен уйдут от меня! Это тебе не уазик! Домой генерала Русов отвозил на своей служебной пятерке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.